

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

8.3

3 выпуска в год на 17 языках

Разговор о социологии с Нэнси Фрэзер

Кристине Шикерт

Демократии брошен вызов

Хауке Брунхорст
Кристиан Фукс
Андреа Сильва-Тапиа
Хленгиве Ндлову
Герасимос Кузелис
Харьяти Абдул Карим
Эстебан Торрес Кастаньос
Эми Остин Холмс
Петер Валь

Вспоминая Анибала Кихано

Николас Линч
Ракель Соса Элизага

Перед лицом бедности

Джошуа Бадлендер
Василис Арапоглу
Хулиана Мартинес Франсони
Фабиан Кессль
Мустафа Коч

Теоретические перспективы

Суджата Пател

Социология в Польше

Марта Бухольц
Ян Чажасты
Юлиуш Гардавский
Адам Мрозовицкий
Вера Траппманн
Катажина Дембская
Сара Герчиньская
Юстына Коциньская
Камиль Трепка
Мацей Гдуля

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 8 / ВЫПУСК 3 / ДЕКАБРЬ 2018
<http://globaldialogue.isa-sociology.org/>

ГД

> От редакции

Во многих странах мира демократические процессы и институты сталкиваются с давлением и проблематизируются. Авторитарные тенденции наблюдаются в старых и новых демократиях: вновь обретает силу руководство сверху вниз, растёт национализм, а гражданское общество ослабевает, что находит выражение в ограничении политических прав граждан. Права женщин и меньшинств снова находятся под угрозой. В интервью, открывающем этот выпуск ГД, Нэнси Фрезер, одна из самых известных теоретиков современного феминизма, поднимает вопросы создания более инклюзивного феминистского движения. Она рассказывает о своей идее «феминизма для 99% населения».

Статьи первого раздела «Демократии брошен вызов» анализируют давление, оказываемое на демократию, в разных частях света, обращаются к таким ситуациям, как пост-апартеид в ЮАР и политика жёсткой экономии Греции или замалчивание участия женщин в работах о Египетской революции. Анализируя новый авторитарный поворот капитализма, исследователи также рассматривают понятия и идеи, направленные на усиление демократических процессов.

В мае 2018 года в возрасте 87 лет ушел из жизни Анибал Кихано, один из самых известных социологов Перу и всей Латинской Америки. Его работы, посвященные анализу империализма, колониализма и «колониальной

природе власти», оказали влияние на многие поколения социологов в разных странах. Два близких друга и коллеги рассказывают нам о его жизни и творческом наследии.

Наш второй раздел-симпозиум называется «Перед лицом бедности». В нем собраны статьи, посвященные проявлениям бедности в диапазоне от влияния политики жесткой экономии в Греции до роста числа бедных женщин в Латинской Америке, несмотря на дружественную в отношении их занятости политическую экономию. Шесть авторов из разных частей света обсуждают региональные особенности бедности и барьеры борьбы с ней.

В статье, посвященной множественной природе глобальной современности, Сужата Пател, известный индийский социолог, обсуждает эту теорию глобального мира. Она освещает историческое и теоретическое развитие понятия множественной модерности и ее критические основания.

С самого начала развития социологии польские мыслители играли значительную роль в развитии дисциплины. Поэтому мы посвящаем наш материал истории социологии в Польше. Не только прошлое, но и современное развитие польской социологии заслуживает внимания. В этом номере ГД мы узнаем о польских исследованиях precarious работников, электоральном поведении поляков, изменениях публичной сферы в польском обществе и последствиях этих процессов для польской социологии. ■

Бригитте Ауленбахер и Клаус Дёрре,
редакторы «Глобального диалога»

> «Глобальный диалог» доступен на 17 языках на [сайте MCA](#).
> Присылайте статьи на globaldialogue.isa@gmail.com.

isa International
Sociological
Association

**GLOBAL
DIALOGUE**

> Редакторский совет

Редакторы: Бригитте Ауленбахер, Клаус Дёрре.

Заместители редакторов: Йоханна Грубнер, Кристине Шикерт.

Младший редактор: Апарна Сундар.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Консультант: Майкл Буравой.

Медиаконсультант: Густаво Танигути.

Редакторы-консультанты:

Сари Ханафи, Джеффри Плейерс, Филомин Гутьеррес, Элоиза Мартин, Савако Ширахаса, Изабела Барлинска, Това Бенски, Чи-Джо Джей Чэнь, Ян Фритц, Коичи Хасэгава, Хироши Ишида, Грэйс Кхуноу, Эллисон Локонто, Сьюзан МакДэниел, Элина Оинас, Лаура Осо Касас, Бандана Пуркаяста, Рода Реддок, Мунир Сайдани, Айсе Сактанбер, Сели Скалон, Назанин Шахрокни.

Региональные редакторы

Арабский мир: Сари Ханафи, Мунир Сайдани.

Аргентина: Хуан Игнасио Пиовани, Алехандра Отаменди, Пилар Пи Пуиг, Мартин Уртасун.

Бангладеш: Хабибуль Хаке Хондкер, Хасан Махмуд, Джувель Рана, У. С. Рокея Ахтер, Туфика Султана, Асиф Бин Али, Хайрун Нахар, Кази Фадия Эша, Хелаль Уддин, Мухаймин Чаудхури, Мохаммед Юнус Али.

Бразилия: Густаво Танигути, Андреса Гальи, Лукас Амараль Оливейра, Бенно Варкен, Анжело Мартинс Младший, Дмитри Сербонсини Фернандес.

Индия: Рашми Джайн, Джьоти Сидана, Прагья Шарма.

Индонезия: Каманто Сунарто, Хари Нугрохо, Лучия Ратих Кусумадеви, Фина Итрия, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулиаван, Мохаммад Шохибуди, Домингус Элчид Ли, Антониус Арио Сето Харджана, Диана Тереза Пакаси, Нуруль Айни, Гегер Риянто, Адитья Прадана Сетиади.

Иран: Рейханех Джавади, Нияйеш Долати, Сина Бастани, Сайед Мухаммад Муталеби, Вахид Ленджанзаде.

Казахстан: Айгуль Забиров, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Алмаш Тлеспаева, Куаныш Тель.

Польша: Якуб Барщевский, Илона Бояджиева, Катажина Дембская, Паулина Домагальская, Кшиштоф Губанский, Сара Герчиньская, Юстина Кошиньская, Луция Ланге, Адам Мюллер, Зофия Пенза-Габлер, Анна Вандзель, Яцек Зых.

Россия: Елена Здравомыслова, Анастасия Даур, Валентина Исаева.

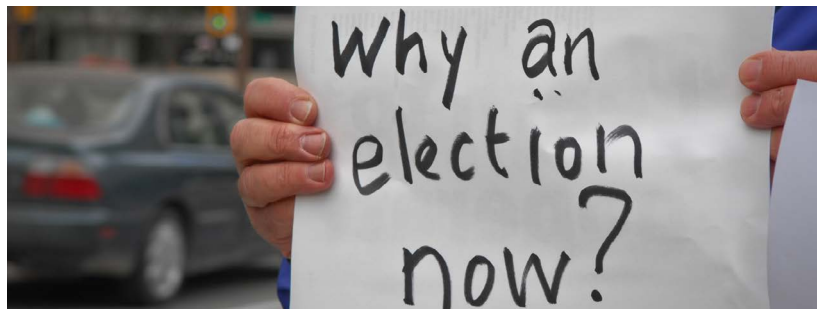
Румыния: Косима Ругиниш, Раиса-Габриэла Замфиреску, Лучана Анэстэсоайе, Адриана Лавиния Булумак, Кристиан Кира, Денис Дан, Диана Александра Думитреску, Раду Думитреску, Юлиан Габор, Александра Иримие-Ана, Бьянка Михэйл, Андрея Елена Молдовану, Рареш-Михай Мушат, Оана-Элена Негря, Мьора Параскив, Алина Кристина Пэун, Кодруц Пынзару, Сусана Мария Попа, Адриана Соходоляну, Елена Тудор.

Тайвань: Чжин Мао Хо.

Турция: Гюль Чорбаджогу, Ирмак Эврен.

Франция/Испания: Лола Бусуттил.

Япония: Сатоми Ямамото, Сара Маэхара, Масатака Эгучи, Рихо Танака, Мариэ Ямамото, Каори Хатия, Аяна Канэюки, Эрика Куга, Кая Одзава, Цукаса Сигаки, Мичиаки Юаса, Рикухо Баба.

Демократия испытывает давление во многих странах. В этом разделе восемь социологов освещают проблемы, с которыми сталкивается демократия в разных странах, рассказывают о том, как люди борются за свои права, и анализируют политические практики.

Тема бедности и реальная жизнь людей, **сталкивающихся с бедностью**, всегда были значимы для социологов. В этом разделе пять исследователей из разных стран обсуждают особенности региональных политических программ, направленных на борьбу с бедностью, и анализируют различные меры удовлетворения базовых потребностей людей, в том числе продуктовые программы.

В этом разделе представлен краткий экскурс в историю **польской социологии**. В нём также освещается современное состояние социологических исследований в этой стране.

«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту **SAGE Publications**.

> В номере

От редакции 2

> РАЗГОВОР О СОЦИОЛОГИИ

Феминизм в неолиберальную эпоху:
интервью с Нэнси Фрэзер

Кристине Шикерт, Германия 5

> ДЕМОКРАТИИ БРОШЕН ВЫЗОВ

Кризис демократии

Хауке Брунхорст, Германия 9

Подъём авторитарного капитализма

Кристиан Фукс, Великобритания 11

Этническое гражданство как нелегитимное гражданство

Андреа Сильва-Тапиа, Германия 13

Поражение демократии в Южной Африке после 1994 года

Хленгиве Ндлову, ЮАР 15

Демократия в Афинах

Герасимос Кузелис, Греция 17

Социальные медиа и демократия — обоюдоострое оружие?

Харьяти Абдул Карим, Малайзия 19

Отступление демократии в Аргентине

Эстебан Торрес Кастаньос, Аргентина 21

Умалчиваемая роль женщин в Египетской революции

Эми Остин Холмс, Египет 23

Глобальное управление

Петер Валь, Германия 25

> ВСПОМИНАЯ АНИБАЛА КИХАНО: 1928–2018

Истинный интеллектуал

Николас Линч, Перу 27

Радость бойца

Ракель Соса Элизага, Мексика 29

> ПЕРЕД ЛИЦОМ БЕДНОСТИ

Основные черты бедности в ЮАР после апартеида

Джошуа Бадлендер, США 30

Посткризисное благосостояние:

новые ландшафты бедности в Греции

Василис Арапоглу, Греция 32

Почему в Латинской Америке

среди бедных преобладают женщины?

Хулиана Мартинес Франсони, Коста-Рика 34

«Благотворительная экономика»:

в тени государства благосостояния

Фабиан Кессль, Германия 36

Дискурс продовольственной безопасности: вызовы XXI века

Мустафа Коч, Канада 38

> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Глобальная современность

Суджата Пател, Индия 40

> СОЦИОЛОГИЯ В ПОЛЬШЕ

Где и насколько мы значимы?

Оглядываясь на прошлое польской социологии

Марта Бухольц, Германия/Польша 43

Молодые прекарные работники в Польше и Германии

Ян Чажасты, Юлиуш Гардавский,

Адам Мрозовицкий, Польша,

Вера Траппманн, Великобритания 45

Почему граждане голосуют за правые партии?

Катажина Дембская, Сара Герчиньская, Юстина

Кошиньская и Камиль Трепка, Польша 47

Перспективы социологии в новой публичной сфере

Мацей Гдуля, Польша 49

“В современном мире мы не можем рассуждать о существовании расово или этнически гомогенных национальных государств. Мы выполняем свой исторический долг, когда слушаем тех, чьи голоса долгое время замалчивались. Только так можно развивать демократию.”

Андреа Сильва-Тапиа

> ФЕМИНИЗМ в неолиберальную эпоху

Интервью с Нэнси Фрэзер

Нэнси Фрэзер.

Нэнси Фрэзер — одна из самых известных феминистских исследовательниц и критических философов. Она является профессором философии и политологии в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке. Среди самых известных ее работ — *Redistribution or Recognition? A Political-Philosophical Exchange* (2003) [Перераспределение или признание? Политико-философский обмен] и дискуссия с Акселем Хоннетом (Axel Honneth). В своих публикациях Фрэзер развивает концепцию справедливости. Она утверждает, что справедливость можно концептуализировать двояко: как дистрибутивную (распределительную) справедливость и как справедливость признания. Современная борьба за справедливость, соответственно, принимает две ключевые формы: борьба за перераспределение и борьба за признание. Фрэзер является автором большого числа текстов, в которых она выступает как феминистская исследовательница и активистка. Среди этих публикаций особенно интересна работа *Fortunes of Feminism: From State-Managed Capitalism to Neoliberal Crisis* (2013) [Будущее феминизма: от государственного капитализма к неолиберальному кризису]. Мы публикуем интервью с Нэнси Фрэзер, проведенное **Кристиной Шикерт**, руководительницей исследовательской группы по изучению обществ пост-роста на факультете социологии Йенского университета (Германия) и помощником редактора «Глобального диалога».

КШ: Прошло почти 10 лет с публикации Вашей статьи «*Feminism, Capitalism and the Cunning of History*» [«Феминизм, капитализм и историческое лукавство»]. В этой статье Вы утверждаете, что мейнстримный или либеральный феминизм был кооптирован капитализмом для его собственных целей. Не могли бы Вы развить этот аргумент для нашего читателя?

НФ: Я писала эту работу в конкретное время, когда разворачивался глобальный финансовый кризис, а Барак Обама говорил о надеждах на будущие изменения. Поэтому

он и был избран президентом США. В то время все признавали, что наступил опасный решающий момент в истории, и мы все надеялись на перемены к лучшему. Что-то в то время заставило меня подумать об аналогичных исторических моментах в истории феминизма в целом. Долгое время мне не нравилось, как развивается либеральный или мейнстримный феминизм. Я стала выражать свои опасения еще раньше, когда писала о повышенном внимании к политике признания по сравнению с задачами распределения. Кризисный момент позволил мне еще более пояснить свое видение происходящего.

Я полагаю, что в природе капиталистического общества произошел существенный сдвиг, и он происходил одновременно и параллельно с развитием феминистского движения. Когда в конце 1960-х – 1970-е годы нахлынула вторая волна феминизма, мы были на пороге чего-то нового, и мы думали, что действуем в рамках безопасного, социал-демократического или государственно управляемого капиталистического режима. Мы считали, что завоевания этого режима более-менее необратимы и что, опираясь на них, мы можем продвигаться к более радикально эгалитарному и демократическому мироустройству, в котором феминизм может стать значимым игроком.

Но на самом деле все пошло иначе. Начался кризис социал-демократии и подъём неолиберализма. Возникла совершенно новая форма капитализма. Феминисты — и другие прогрессивные люди, активисты общественных движений — совсем не сразу осознали происходящее. Проще говоря, мы по-прежнему продвигали повестку, основанную на принципах справедливости признания, не понимая, насколько изменился политико-экономический контекст. Мы не просто забыли о перераспределительной справедливости и задачах борьбы за неё. Не понимая этого — тогда многие не осознавали сути происходящих изменений, — мы вносили свой позитивный и существенный вклад в неолиберализм. Мы придавали неолиберализму харизму и легитимность, мы позволяли ему использовать нашу эмансипационную освободительную харизму как инструмент легитимации или обеспечивали алиби установившемуся регрессивному новому политэкономическому режиму.

В этом заключается аргумент моей статьи. Я полагала, что в этот кризисный момент — в 2008–2009 годы — необходимо было мыслить крупномасштабно, выйти за пределы узкого взгляда и представить позиции феминизма нового типа, с новой повесткой дня, с корректировкой задач в соответствии с действующим анти-неолиберальным проектом, частью которого мы являемся.

КШ: *Насколько я понимаю, многие феминистские исследователи и активисты увидели в Вашей работе критику феминистского движения и реагировали на Ваши тезисы защитным образом.*

НФ: Я ожидала такой реакции на своё эссе. На самом деле я получила гораздо меньше критики, чем ожидала, во всяком случае, от определенных академических феминистских кругов, в которых я вращаюсь. Даже не во всём соглашаясь с моей позицией, коллеги думали, что я нащупала какой-то важный тезис. Они понимали: что-то не то происходит в феминистском сообществе. Было широко распространено мнение, что мир, в котором мы живём, совсем не похож на тот, который мы хотели построить в начале второй феминистской волны. Гораздо больше людей, чем я думала, рассуждает в том же духе.

Я думаю, что в моих рассуждениях нет обвинений. Это скорее выражение насущной потребности понять, как определенная форма прогрессивной неолиберальной

гегемонии смогла сконструировать себя и победить в борьбе за то, чтобы стать здоровым смыслом нашего времени. Я думаю, что мы должны осознать, какую роль мы бессознательно выполняли в утверждении неолиберальной гегемонии. Это необходимо для того, чтобы изменить задачи движения и продолжать борьбу за их выполнение. Ни одна белая феминистка не была счастлива слышать упреки черных феминисток в том, что мы ненамеренно воспроизводили множество посылок, которые были прямой или косвенно связаны с белым превосходством или упреки в том, что мы оказались нечувствительны к особенностям положения цветных женщин. Однако мы вынуждены были выслушивать эту критику и прорабатывать её аргументы. Я думаю, что в нынешней ситуации нам предстоит сделать нечто аналогичное. Первая реакция всегда оказывает защитной, но вскоре она вытесняется другой.

КШ: *Мне представляется, что либеральные феминистки не считают, что они развивают неолиберальную повестку. Я думаю, они полагают, что борются за гендерное равенство...*

НФ: Вопрос заключается в том, что мы понимаем под равенством. Равенство — это одно из тех противоречивых понятий, которые содержат противоположные интерпретации. Либеральную интерпретацию я называю меритократической. Она заключается в том, что, в конечном счете, женщины понимаются как индивидуумы, которые, как и мужчины, должны обладать возможностями и ресурсами развивать свои личные индивидуальные способности. Равенство означает в данном случае разрушение барьеров, которые вызывают дискриминацию; неравенство рассматривается как дискриминация. Уничтожение дискриминационных барьеров приводит к тому, что отдельные талантливые женщины могут добиться того же, что и мужчины, обладающие такими же талантами.

Прежде всего, я хочу отметить, что такое представление о равенстве является классово специфичным. Имеется в виду, что женщины хотят быть равными гетеросексуальным белым мужчинам своего класса. Но для меня феминизм представляет собой более радикальное представление о равенстве. Дело не в диверсификации сексуальной иерархии, а в полном разрушении или, по крайней мере, ослаблении последней. Меритократическое равенство я бы на самом деле и не считала равенством. Либеральная меритократия как интерпретация равенства действительно смогла добиться многого, но только для очень узкого слоя женщин. Большинство женщин не смогло преодолеть стеклянный потолок, они застряли в подвале. Они убирают и подметают разбитые осколки стекла. Я стараюсь развивать феминистскую позицию, отличную от этого либерального меритократического феминизма.

КШ: *После выборов, когда в США и Европе к власти пришло достаточно много политически правых, мы видим, что в основании успеха правых сил лежит их позиция в дебате о справедливости. Именно односторонний фокус на «идентичности» общественных движе-*

ний за счет внимания к проблеме экономического неравенства привел к успеху правых сил. Но возникает вопрос: какой смысл имеет этот дебат в отношении феминистского движения, которое на поверхности в качестве мобилизующего фактора опирается на нашу общую женскую идентичность?

НФ: Я думаю эту проблему надо рассматривать на разных уровнях. На концептуальном уровне я всегда считала, что разделение движений на те, которые борются за признание идентичности и те, которые можно называть классовыми, довольно бессмысленно. Движения, опирающиеся на классовую поддержку, преследуют две цели. С одной стороны, можно выделить структурный аспект их активности, который я описываю в терминах распределения ресурсов, но, с другой стороны, перед ними всегда стоит вопрос идентичности. Таким образом, все формы классовой борьбы, даже те, для которых идентичность далеко не приоритетный вопрос, стараются понять, в какой борьбе они участвуют — охранительной или наступательной. Я думаю, это рассуждение вполне годится и для анализа феминистского движения. С одной стороны, подчинение (субординация) женщин в капиталистическом обществе, несомненно, имеет структурное основание. Аналогично, классовая эксплуатация представляет собой структурное основание классовой борьбы. Поэтому я не приемлю утверждения, что феминизм — это движение, которое ставит во главу угла политику идентичности, а у классовой борьбы — другая повестка дня. Я считаю, что наши требования укоренены в базисных противоречиях (как говорили раньше). Но с другой стороны, у всех движений есть структурное основание.

Однако разговор об идентичности может увести нас в сторону. Вот сейчас модно говорить об интерсекциональности. У меня есть критический комментарий в отношении этого языка описания, но в целом этот подход совершенно адекватен. Главный поинт этого подхода заключается в том, что далеко не все женщины находятся в одной лодке, и далеко не все представители рабочего класса находятся в одной лодке, и совсем не все цветные находятся в одной лодке. Существуют сквозные структурные асимметрии власти, оси распределения позитивных и негативных привилегий. Феминизм, который утверждает, что его интересует единая общая для всех женщин повестка и не интересуют особенности положения разных категорий женщин, очевидно, отжил свое, поскольку он представляет интересы лишь привилегированного слоя женщин. Именно поэтому я считаю, что либеральный меритократический феминизм уже в прошлом. Феминизм должен быть не только про женщин, но и про класс, расу и другие основные системы угнетения, действующие в капиталистических обществах.

КШ: Вместе с другими известными теоретиками феминизма Вы недавно выступили с идеей создания более инклюзивного «феминистского движения для 99% населения». Пожалуйста, расскажите подробнее об этой инициативе.

НФ: Этот популистский жаргон мы заимствовали у движения Оккупай. С социологической точки зрения, это, конечно, неточно, но такой лозунг имеет огромный мобилизующий потенциал и точно отражает, что мы говорим не о популизме в духе Кристин Лагард и Хилари Родхэм Клинтон. В этих словах мы описываем себя как оппоненты феминизма, который ставит себе целью пробить стеклянный потолок. Мы делаем попытку смены курса феминистского движения. В последние десятилетия, как я показала в этом очерке, некоторые основные течения феминизма вступили в некий альянс или, как сказала Хестер Эйзенштейн, в «опасную связь» с определенным типом неолиберальных сил и тем самым обеспечивают им алиби. Это значит, что антитезисом неолиберального феминизма, который представляет 1% населения, является феминизм, который представляет интересы 99% женщин. Вот и вся наша риторическая стратегия. Интересно, что эта идея получила существенный отклик. Хотя совсем немногие из нас надеялись на это. Это значит, что перемены в феминистском движении назрели и дождались своего часа.

Феминизм для 99% обращается к проблемам подавляющего большинства женщин, которые делают львиную долю работы по социальному воспроизводству и заняты в системе оплачиваемого труда и чьи условия жизни существенно ухудшаются в условиях режима неолиберального финансового капитализма. Такой капитализм требует от работников большего числа часов оплачиваемой занятости в расчете на одно домохозяйство, чем предшествующий этап капиталистического устройства; этот режим сокращает социальную поддержку государства на национальном уровне и приводит к тому, что долги становятся орудием управления работниками. Женщины находятся на переднем крае этой атаки на социальное воспроизводство, и «феминизм для 99%» ставит во главу угла именно эти проблемы и связывает их с современной формой капитализма. Мы хотим дать название этой системе — так мы говорили в нашей организации «Студенты за демократическое общество». Если либеральный феминизм ставит во главу угла требования доступа к системе, мы выявляем механизмы системы, которые делают нашу жизнь невыносимой.

КШ: При этом 53% белых женщин в США проголосовали за Дональда Трампа в 2016 году. Они поддержали кандидата, который не только является открытым сексистом, но в принципе безразличен к любому варианту гендерного равенства. Как Вы считаете, может ли идея «феминизма для 99%» привлечь этих женщин?

НФ: Конечно, эта идея не может быть привлекательной для всех, но, я думаю, для значительной части женщин. Часть этих женщин разделяет те же позиции, что и мужчины, которые голосовали за Трампа, — они ненавидят Хилари Клинтон и голосовали, прежде всего, против ее кандидатуры, это те люди, которые поддерживают политику свободного рынка и проч. Многие из этих женщин — это обычный электорат республиканцев, но далеко не все сторонники таких взглядов. Некоторые из них —

представительницы женского рабочего класса из деиндустриализованных поселений, чья жизнь крайне ухудшилась в связи с выводом производства за пределы США; среди них также женщины Юга. Юг США переживает очередной виток индустриализации, при этом профсоюзное движение явно не охватывает всех занятых в этом регионе, а условия жизни работающих серьезно ухудшаются. Среди них есть также женщины из сельской местности, жительницы маленьких городков, где очень высок уровень безработицы, высокие показатели наркозависимости и проч. Это все те, для кого феминизм, поддерживающий усиление неолиберальной политики, не принесет никаких бенефитов.

До сих пор проведено мало серьезных академических этнографических исследований, выявляющих причины женской электоральной поддержки правых, они еще впереди. В тех интервью, которые я читала, – а я не обращалась к этому вопросу систематически – вырисовывается образ мыслей и чувств этих людей. Увидев голливудские записи (показанные прямо перед выборами), в которых Трамп хвастал тем, что он «хватал женщин за это место», они возмутились, сказали, что подобные вещи для них действительно неприемлемы и оскорбительны. Но при всем том они считают, что в настоящее время Трамп является лучшим из кандидатов в президенты. Я думаю также, что есть люди, которым не нравится, что и как Трамп говорил о мексиканцах или мусульманах. И хотя он высказывался крайне неуважительно к этим людям, он говорил о том, что изменит их жизнь к лучшему.

Конечно, я не хочу сказать, что все сторонники Трампа являются расистами. Среди его электората есть настоящие расисты, но до них мы никогда не достучимся, и я к этому не стремлюсь. Я думаю о тех, кто в принципе может поддержать левые взгляды, и я думаю – их немало. Мы знаем, что в 2016 году за Трампа проголосовало 8,5 млн американцев и столько же проголосовало за Обаму в 2012 году.

Важнее всего то обстоятельство, что к ноябрьским выборам единственной альтернативой Трампу была Хилари Клинтон, которая ассоциируется с неолиберализмом прогрессистского толка. Берни Сандерс представлял иную позицию, но к тому времени он уже был вне игры.

КШ: Как же левые могут достучаться до этих 8,5 млн американцев?

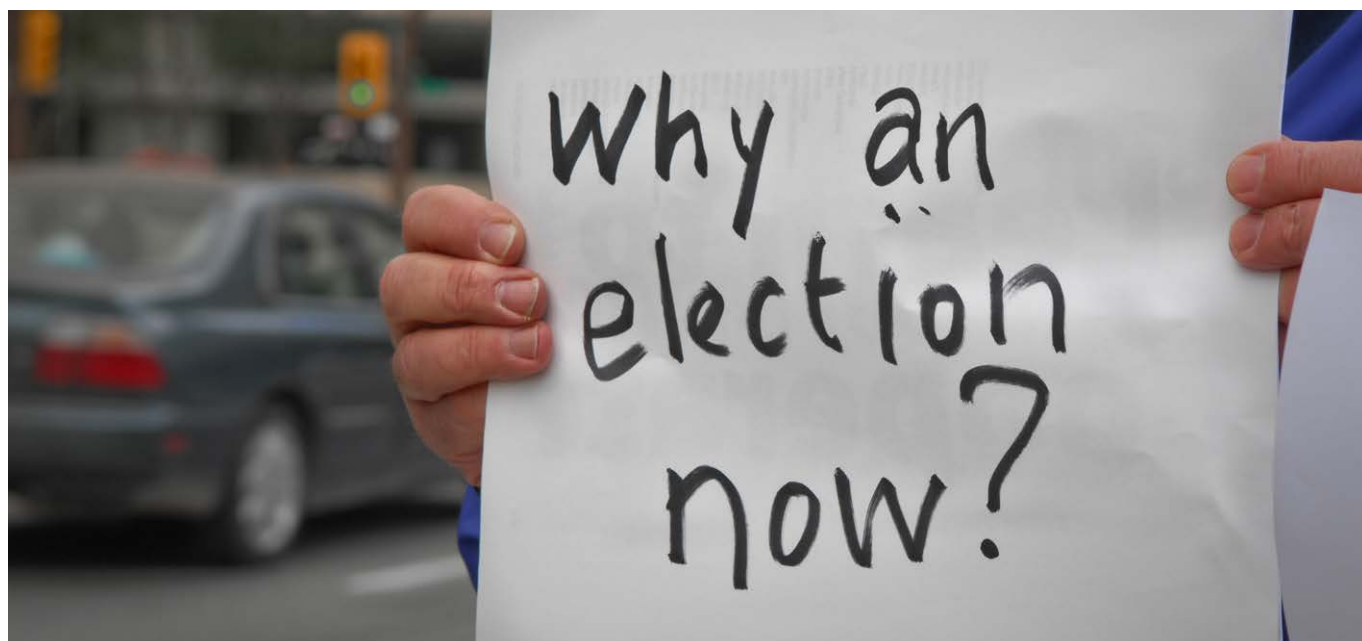
НФ: Я поддерживаю политику, близкую к той, которую декларирует Сандерс (я использую его имя только для краткости). Феминизм для 99% это одна из составных частей этой повестки. Она подразумевает, что в каждом прогрессивном движении есть те, кто поддержит феминизм для 99% и есть те, кто поддержит феминистскую повестку для 1%. И эти повестки нужно объединить. Сандерс показал, что можно соединить в одной программе насущные проблемы улучшения жизни рабочего класса и его семей, в том числе всеобщего медицинского обслуживания, бесплатного высшего образования, ослабления власти банков.

Когда я говорю о рабочем классе, я имею в виду не только белых. В США среди рабочего класса много женщин и цветных, и они сами причисляют себя к рабочему классу. Итак, я предлагаю следующее: обратитесь к проблемам, которые волнуют 99% населения, и объедините их с такими целями как реформа уголовного правосудия, которая имеет решающее значение для цветного населения, актуальными для женщин вопросами репродуктивной свободы и другими структурными и материальными проблемами, которые считаются сейчас связанными с идентичностью, хотя они не должны пониматься только таким образом. Я считаю, что другие социальные движения должны последовать примеру феминизма для 99%. Я имею в виду, например, инвайроментализм для 99%. У нас есть эти течения, и нужно объединить их, дав им соответствующие имена. ■

Адрес для связи: Нэнси Фрэзер <frasern@earthlink.net>

> Кризис демократии

Хауке Брунхорст, Фленсбургский университет, Германия

Многие исследователи утверждают, что сегодня демократия находится в кризисе. Flickr/ItzaFineDay. Некоторые права сохранены.

После столетия ожесточённой, кровавой и бесчеловечной классовой борьбы, повсеместных гражданских войн и мировых революций капиталистическое государство превратилось в космополитичное (см. например, ст. 23-26 Основного закона Германии), демократическое и социальное (ст. 20, 28 Основного закона Германии). На Глобальном Севере справедливость стала «существующей концепцией» (Гегель).

Отношения производства были частично обобществлены, собственность делилась на бесчисленные формы, охватывающие как частный, так и государственный сектор. Капиталист и рабочий проводили отпуск на одном и том же морском курорте, первый — с видом на море, последний — с видом на улицу. Однако им приходилось плавать в одной и той же воде, отдыхать на одних и тех же пляжах и отправлять своих детей — и это важный момент! — в одну и ту же государственную школу. Рабочий поехал на маленькой машине, босс — на большой, но каждый из них оказался в одной и той же пробке, так как ещё не было ни небоскребов с вертолетными площадками для богатых, ни многоэтажек без надлежащей противопожарной защиты для бедных.

Тем не менее, процветание Глобального Севера было связано с разорением Юга. Национально замкнутое государство всеобщего благосостояния было белым, мужским и гетеросексуальным. Справедливость не существует без «существующего противоречия» (Гегель). Демократия заканчивалась — и это происходило повсюду — при пересечении расовой и гендерной границ. С 1960-х годов новые социальные движения выступают против такого положения вещей снова и снова, всё успешнее отстаивая права человека, гражданские права для людей с другим цветом кожи, женскую эмансипацию, права инвалидов, сексуальное самоопределение, охрану окружающей среды и космополитическую культуру. Когда в мае 1968 года в Париже студенты и рабочие объединили свои усилия, мечта о слиянии художественной критики и социальной критики современного капитализма (Болтански) наконец-то сбылась. Стало реальным требовать того, что раньше казалось невозможным. Однако, как бы то ни было, вслед за этим наступила экономическая рецессия, которая привела к власти политически правых.

> От рынков, встроенных в государства, к государствам, встроенным в рынок

Кровавые военные перевороты в Чили (1973) и Аргентине (1976), щедро поддержанные Западом, были «критическими экспериментами», а неоконсервативные победы на выборах в Великобритании (1979) и США (1981) проложили дорогу неолиберализму. Кроме того, саморазрушение бюрократического социализма (1989) устранило последнее препятствие для неолиберальной глобализации. В течение всего лишь нескольких лет рынки, встроенные в государства, превратились в государства, встроенные в рынок. Примат государственного права был заменен обширным (и растущим) числом транснациональных режимов, подчиняющихся частному праву, которое, как и в случае с прежним римским гражданским правом, служит исключительно координации интересов господствующих классов во всей империи. Правовой формализм, освобождающий всех нас от правил неформальности, был дополнен высоко динамичным неформальным правом, очертившим контуры нового «двойственного государства» (Френкель), сочетающего формальное право, выраженное в законодательных актах и неформальное диспозитивное право.

Одним из парадигматических примеров сложившейся ситуации стала Еврогруппа. После исключения Греции из Еврогруппы в разгар кризиса в 2015 году министр финансов Греции задал вопрос о юридическом обосновании принятого решения. Председатель Еврогруппы собрал своих адвокатов для того, чтобы объяснить бывшему министру, что у группы нет процессуальных норм, поскольку она, по сути, юридически не существует, и её участники могут делать почти все, что захотят, кроме совершения убийств.

Экономическим полномочиям государства на вмешательство препятствует его вынужденная конформность рынку. При этом организационные полномочия и полицейские силы национального государства остаются нетронутыми для того, чтобы эффективно выполнять свою роль «службы поддержки порядка», обеспечивая сохранение «общего рыночного порядка» и будучи прочно «встроенными» в его власть (Хайек). Встроенность в мировой рынок гарантирует, что инвесторы могут свободно выбирать любую страну, в то время как государства, в свою очередь, не могут выбирать своих инвесторов и, таким образом, вынуждены вступать в беспощадную гонку ради выгодных условий производства. В результате социальные различия между классами, нациями, национальностями и поколениями достигают головокружительных масштабов.

Футбол во многом является отражением глобального общества. Если в 1985 году профессиональные игроки в английской премьер-лиге зарабатывали примерно в два раза больше, чем рядовой фанат футбола, то теперь они зарабатывают в 200 раз больше. Наряду с ростом доходов игроков произошло увеличение цен на билеты. Старые футбольные фанаты, не имея возможности платить, ушли со сцены и остались в стороне, а трибуны заполнились теми, кто больше зарабатывает. Такую же картину можно увидеть и за пределами стадионов. Ветшающие кварталы городов и более мелких поселений, не способные войти в новое общество, утопают в политической апатии, алкоголе и проституции, связанной с наркотиками. В этих районах явка избирателей составляет менее 30%, в то время как в богатых районах города голосующих более 90%, что подпитывает иллюзию последних относительно продвижения вперёд. И даже если прогресс снова окажется намного меньше,

чем они рассчитывали, их финансовое благополучие не пострадает. Естественно, что левые партии, которые постоянно теряют избирателей, на каждых последующих выборах сдвигают свои позиции в сторону правых. Это вполне предсказуемо в условиях рыночной экономики, основанной на постоянном соперничестве в отношении развития.

> Социальное неравенство создаёт политическое неравенство

Основные достижения феминистского движения и движений в поддержку мультикультурализма, которые подорвали длительные многолетние отношения господства, утрачивают свою «справедливую стоимость» (*fair value*, Ролз). Они обесцениваются. Безработная, еврейка, лесбиянка и ранее осужденная чернокожая женщина больше не может навсегда порвать с «кровными узами» (Маркс) своего родного гетто. Она стала уязвимой для всех мыслимых антисемитских, гомофобных и женоненавистнических предрассудков в той степени, в какой она сталкивается с сексизмом и насилием со стороны полиции и мужчин в большом обществе.

Когда предвыборные кампании предлагают лишь технические, а не политические альтернативы неолиберальной рыночной экономике, то демократия перестаёт существовать. Технические альтернативы при этом сводятся к различным микроэкономическим стратегиям адаптации к мировому рынку.

«Позлащённая нищета» (Кант) торговых центров демонстрирует свою истинную суть в Ливийской пустыне, на море и в лагерях беженцев, построенных вдоль наших южных границ. В бывшем лагере беженцев Мория на греческом острове Лесбос, который теперь превращен в центр депортации, Европейский союз жертвует тем, за что он когда-то ратовал. «Область свободы, безопасности и справедливости» (ст. 4 «Договор о функционировании Европейского союза», далее TFEU), гарантирующая «соблюдение основных прав человека» (ст. 67, TFEU), международного «права на политическое убежище» (ст. 18, Хартия ЕС об основных правах человека) и «соблюдение принципа невысылки» (ст. 78, TFEU), правовые принципы предупреждения и искоренения «расизма и ксенофобии» (ст. 67, TFEU), реализуются в конкретном законодательном управлении жизнью людей в ужасных условиях антисанитарии, отсутствия медицинской помощи и скученности. Конкретный закон создает три границы. Первая граница с кирпичной стеной охватывает лагерь для задержанных, беженцев, которым отказано в жилье, и вновь прибывших, чья депортация была незаконно одобрена. Вторая граница состоит из колючей проволоки, смотровых вышек и вооруженной охраны. Она окружает жилой комплекс для беженцев, в центре которого находится охраняемая лагерная зона. Третья граница — это море, никто не может покинуть остров без разрешения. Благодаря морю, которое защищает саму суть наших рынков, граница становится элементом естественного права. Кто бы ни прибыл на этот остров, он является задержанным, как будто поиски убежища беженцами — это преступление. Как заявляет Каролин Видеманн: «Такие места, как Мория, планируются во всем ЕС. Предполагается, что их обозначат как «контролируемые центры» (по-немецки: «Kontrollierte Zentren»). Лучше бы не знать, какова (немецкая) аббревиатура для этого названия», потому что это может вызвать ненужные политикам ассоциации. ■

Адрес для связи: Хауке Брунхорст <brunckhorst@uni-flensburg.de>

> Подъём авторитарного капитализма

Кристиан Фукс, Вестминстерский университет, Великобритания

В последние годы правая политика расширила сферы своего влияния и консолидировалась. В США у власти — Дональд Трамп (Республиканская партия), в Венгрии — Виктор Орбан (Фидес), в Австрии — Хайнц-Кристиан Штрахе (Партия свободы), в Нидерландах — Герт Вилдерс (Австрийская партия свободы), в Индии — Нарендра Моди (партия Бхаратия Джаната), в Турции — Реджеп Тайип Эрдоган (ПСР), «Альтернатива» в Германии, Ярослав Качиньский в Польше (партия «Закон и справедливость»), Марин ле Пен во Франции (бывший Национальный фронт), Лига Севера в Италии, Владимир Путин в России (Общероссийский национальный фронт) и т. д. Как можно охарактеризовать этот тренд? Какие социологические категории сработают в этом случае?

Главная идея заключается в том, чтобы использовать категорию популизма. Ян-Верге Мюллер (2017) недавно сформулировал это предложение в книге *What Is Populism?* [Что такое популизм?]. Автор определяет популизм как «особенное моральное воображаемое политики, способ восприятия политического мира, при котором морально чистый и единый в своих воззрениях [...] народ противопоставлен элитам, которые необратимо коррумпированы и являются морально неполноценными. [...] Популисты всегда выступают против плюрализма: они утверждают, что они и только они представляют народ». Автор также отмечает, что популизм представляет собой «эксклюзивную форму политики идентичности», которая представляет «угрозу для демократии» и стремится «подавить гражданское общество».

Такие подходы используют одну и ту же категорию для описания политики, которую продвигают СИРИЗА, Эво Моралес, Подемос или Берни Сандерс на левом фронте и Дональд Трамп, Герт Вилдерс или Марин ле Пен — справа. В результате, как в теории тоталитаризма, крайне правые уподобляются крайне левым, и таким образом исходящая от первых угроза тривиализируется. Дело в том, что популистами назначаются и Мюллер, и Трамп, и Сандерс. Конечно, Берни Сандерс не является конвенциональным политиком, но по сравнению с Трампом его демократическая ориентация не вызывает сомнений.

Илл. 1: Модель правого авторитаризма

Источник: С. Fuchs, 2018.

Я придерживаюсь иного подхода. В своей книге *Digital Demagogue: Authoritarian Capitalism in the Age of Trump and Twitter* [Цифровой демагог: авторитарный капитализм в эпоху Трампа и Твиттера, 2018] я сочетаю подходы критической политической экономики, критику идеологии и критическую психологию. Правый авторитаризм (ПА) содержит четыре элемента (см. илл. 1): убеждение, что руководство должно осуществляться сверху вниз, национализм, схему разделения на друзей и врагов, а также воинствующий патриархат (политику закона и порядка, идеализацию войны и призывной воинской службы), репрессивные меры в отношении конструированных врагов, консервативные гендерные отношения). ПА выполняет идеологическую роль: он отвлекает внимание граждан от классовых структур и капитализма как оснований

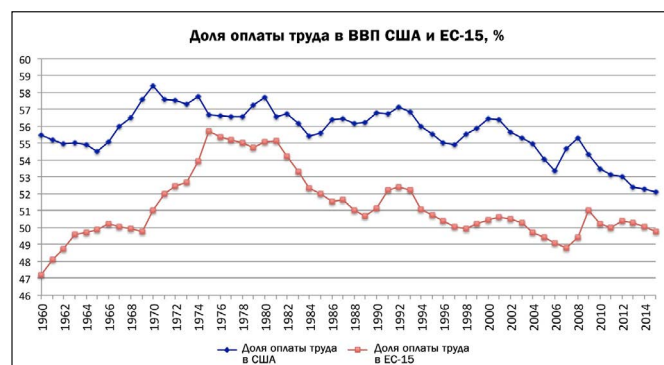
и причин, порождающих социальные проблемы. Беженцы, иммигранты, развивающиеся нации, мусульмане и др. сконструированы как козлы отпущения. Им приписывается ответственность за безработицу, низкие зарплаты, экономический застой, упадок государственной помощи, кризис жилья и преступность. Трамп обвиняет Мексику и Китай в деиндустриализации и социальном упадке, даже не упоминая о том, что американский капитал эксплуатирует работников как в США, так и в местах аутсорсинга капитала, включая китайские потогонные предприятия и мексиканские *maquiladoras*.

ПА не является ни формой общественного сознания, ни структурой, ни типом общественного устройства. Это процесс, который может происходить на разных уровнях общества: на индивидуальном (авторитарная структура личности, сознания, индивидуальное политическое поведение), на уровне политических групп и движений. Такой может быть идеология, институт и общество в целом. Крайне правый экстремизм и фашизм — это интенсивные случаи ПА, которые терпимо относятся к физическому насилию и активно используют насилие и террор как политические средства.

Культурологические объяснения подъема ПА утверждают, что развитие так называемого постматериалистического общества создает поколенческий разрыв, когда старшее поколение придерживается консервативных ценностей и жалуется на утрату прошлого. Но такая постматериалистическая гипотеза не в состоянии объяснить, почему во время федеральных выборов в Австрии в 2017 г. поддержку крайне правым оказали избиратели в возрасте 16-29 лет (таковых 30% среди электората этой партии), а среди людей в возрасте 60+ эта партия оказалась лишь третьей по уровню поддержки.

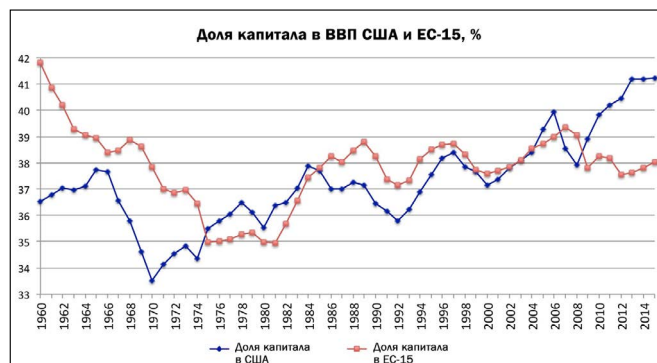
Альтернативное объяснение опирается на политико-экономический подход, для развития которого крайне важна работа политического теоретика крити-

Илл. 2: Доля оплаты труда в ВВП США и ЕС во временной перспективе

Источник: АМЕКО.

Илл. 3: Доля капитала в ВВП США и ЕС во временной перспективе

Источник: АМЕКО.

ческого направления Франца Л. Ноймана 1957 года *Anxiety and Politics* [Тревожность и политика]. Согласно его точке зрения, рост правого авторитаризма непосредственно связан с отчуждением труда (см. илл.2 и 3); деструктивной конкуренцией, социальным отчуждением, которые создают страх социального упадка; с политическим отчуждением от политической системы, политиков и политических партий, а также с институционализацией тревожности крайне правыми группами, которые нагнетают страхи и продвигают поиски козлов отпущения как политическую стратегию.

Авторитарный капитализм является результатом негативной диалектики неолиберального капитализма. Противоречие между свободным рынком и социальной свободой приводит к росту неравенства и рискам, которые после 2008 г. приобрели новые черты. Социал-демократический режим стал явно обуржуазиваться и приобретать неолиберальный характер. Политические левые стали ослабевать, постмодернистская политика идентичности, которая недооценила значимость классовой политики и классового анализа способствовала подъему крайне правых и утверждению авторитарного капитализма. Неолиберальный капитализм привел к универсализации отчуждения. Как показали Харви, Хардт и Негри, а также мои собственные [исследования](#), неолиберализм приводит к универсализации коммодификации, и мы противостоям продолжающемуся первоначальному накоплению незаконно приобретенного и реальному поглощению общества капиталом. Дэвид Харви справедливо отметил: «Широкое распространение отчуждения проявилось в создании движений Оккупай и в распространении правового популизма; именно массовый характер отчуждения породил националистические и расистские движения. Дональд Трамп — это президент отчуждения».

Адрес для связи: Кристиан Фукс <christian.fuchs@triple-c.at>

> Этническое гражданство как нелегитимное гражданство

Андреа Сильва-Тапиа, Университет им. Гумбольдта, Берлин,
Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Германия

> Гражданство и строительство национальных государств в странах, которые до сих пор остаются колониями

Гражданство — многозначное понятие, и его определение является предметом обширных дебатов. Некоторые авторы понимают этот термин просто как обозначение правового статуса, который определяется национальностью или страной принадлежности. Для других гражданство соотносится с формой идентичности. На основании определений различных авторов, таких как Т. Маршал, Маргарет Сомерс, Т.К. Умен, Энджин Ф. Исин и Патриция К. Вуд, гражданство можно описать как современную форму принадлежности к политическому и географическому пространству. Таким образом, понятие гражданства выражает правовую и символическую принадлежность к национальному государству. На первый взгляд, это простое определение, но оно усложняется, если мы обратим внимание на исторический контекст, в котором появляется это понятие. Современная форма гражданства развивалась одновременно с появлением национального государства. Гражданство как понятие связано с современностью, строительством национальных государств и чувством причастности. Идея национального государства зарождается в конце XVIII века. Она находит выражение в событиях Французской и Американской революций, в борьбе за независимость колониальных государств, которые следовали тому же образцу строительства национального государства. Современное национальное государство — это независимое государство, которое имеет собственную конституцию и управляется от имени равных граждан. Таким образом, принципы легитимации власти изменились от монархических (или божественного права) к представительству нации разных граждан. Однако данные понятия гражданства и национального государства опираются на специфически европоцентричный способ построения национальных государств, при котором продолжают действовать колониальные механизмы.

В нашей современной патриархатной, европоцентричной, ориентированной на христианство мировой системе

глубоко укоренено колониальное гражданство, которое также можно назвать нелегитимным гражданством. Колониальная мир-система действует на основе глобальных расовых и этнических иерархий, которые определяют, какая группа заслуживает престижа и уважения, а какая — нет. Аня Вайс дает следующее определение: расизм — это такая система угнетения, при которой стабильный и долгосрочный маркер делает видимым инаковость и оказывает влияние на классификации, практики и институты таким образом, что приписывает меньшие права коллективам определенной категории, независимо от того, является этот маркер биологическим или указывает на иное стабильное отличие. Этнизированное и расово определяемое гражданство не только становится опытом коренных народов и социальных меньшинств во всем мире, но также определяет опыт мигрантов, которые страдают от процессов этнизации и приписывания расовых особенностей, как это происходит с турками в Германии или латиноамериканцами в США. Этнизация — это процесс, с помощью которого группа девальорируется и рассматривается как однородная, наделяемая однородными расовыми культурными характеристиками.

Согласно такому взгляду на национальное государство в европоцентричной мир-системе, нация — это основа современного государства и его легитимности. Отношение между нацией и современными государствами кажутся совершенно очевидными и не подвергаются сомнению в повседневной жизни. Мы часто используем слова «нация», «государство» и «страна» как взаимозаменяемые. А иногда вместо всех этих терминов мы используем только одно слово — гражданство.

> Легитимные и нелегитимные граждане

Легитимными гражданами считаются люди, интегрированные в нацию как однородную культурную группу. Этнизированные граждане считаются нелегитимными. Они признаются в качестве граждан страны, но считаются нелегитимными, ненастоящими. Эта нелегитимность соотносится с этнизацией и обесцениванием на основе

“Граждане, определённые как расово неполноценные, иначе говоря, нелегитимные граждане, всегда описываются как гомогенная группа. Они никогда не обозначаются как автономные индивидуальные субъекты”

расовой принадлежности. Она представляет собой особый тип неравенства, которые оказывают влияние на чувство собственного достоинства людей и на те возможности, которыми они могут воспользоваться; эта нелегитимность приводит к дискриминации и унижению. Такое неравенство по критерию гражданства появляется одновременно с зарождением национального государства, но оно также наследует классификациям и структурам, которые пришли из прошлого (до становления национальных государств или в доколониальное время). Лидеры национального строительства и движения за независимость содействовали созданию гомогенной национальной идентичности, которая создавалась за счет маргинализации многих конкретных групп. Так случилось с мапуче (коренной народ Чили) или жителями северо-восточной Индии (несколько этнических групп), по отношению к которым формируются определенные стереотипы и которые подвергаются исключению. То же происходит сегодня с этнизированными мигрантами (например, турецкими мигрантами в Германии). Мапуче (арауканы) в Чили и жители северо-востока Индии проживают на территориях, для которых характерна нехватка промышленного развития, где меньше возможностей найти работу и получить образование. Обе группы многократно вступают в конфликты с государством и полицией (индийцы с северо-востока страны вступают в конфликт даже с армией). Их идентичность сталкивается с гегемонной национальной идентичностью. Кроме того, жители северо-востока Индии сталкиваются с насилием и харассментом со стороны другого населения, особенно когда они покидают свой регион и мигрируют в такие города, как Дели, Мумбай или Бангалор.

Хотя закон признает оба типа гражданства, легитимные и нелегитимные граждане существенно различаются. Принадлежность к нации признается за первой группой, вторая группа считается второстепенной. Нелегитимным гражданам «чего-то недостает», их культура и поведение рассматриваются как неполные, и такое позиционирование способствует дискриминации и унижению, которые остаются невидимыми для остального общества.

> Последствия для демократии

Гражданство — это характеристика положения индивида. Но когда оно этнизируется или ему придаются расовые характеристики, индивидуальность субъектов изымается. Граждане, определенные как расово неполноценные, иначе говоря, нелегитимные граждане, всегда описываются как гомогенная группа. Это «иммигранты», «арабы», «мусульмане», «коренной народ», «северо-восточные индийцы» и проч. Они никогда не обозначаются как автономные индивидуальные субъекты. Индивидуальность приберегается для белых людей. В результате такого транскрибирования неудачи представителей европейской расы или ее потомков приписываются их личным ошибкам: они наделяются привилегией быть индивидуальными гражданами. Этот эффект был концептуализирован как «привилегия белых». С другой стороны, неудачи колониального субъекта, ошибки нелегитимных граждан приписываются их культуре, нации, расе, этничности; и никогда ответственность не приписывается индивиду как автономному отдельному гражданину. Нелегитимные граждане всегда являются узниками собственной этничности или расы, и это действует совсем иначе, чем привилегия белого человека. *Привилегия белых* действует как невидимый диспозитив, при котором этничность и расовая принадлежность привилегированных не упоминается и не признается. Она не существует и именно этим объясняется свобода индивидуальности. Достижения и неудачи привилегированных выглядят как их личные свершения, а не как неотъемлемая составляющая их этнической и расовой принадлежности.

Непризнание опыта определенных групп может привести к конфликтам и насилию, если их требования не воспринимаются всерьез. В современном мире мы не можем рассуждать о существовании расово или этнически гомогенных национальных государств. Мы выполняем свой исторический долг, когда слушаем тех, чьи голоса долгое время замалчивались. Только так можно развивать демократию. ■

Адрес для связи: Андреа Сильва-Тапия <andrea.silva-tapia@sowi.uni-giessen.de>

> Поражение демократии

в ЮАР после 1994 года

Хленгиве Ндлову, Витватерсрандский университет, Южная Африка

Книга «Rioting and Writing» [Протестуем и пишем] содержит статьи, написанные студентами — активистами движения #FeesMustFall. Авторские права: SWOP.

ского правления в ЮАР и лицемерием идеологии «радужной нации», развиваемой в АР после 1994 г.

Хотя понятие демократии имеет различные интерпретации, но все они включают такие категории, как демократически избранное правительство, свободные и справедливые выборы, права человека и индивидуальные права. При всем том для многих граждан ЮАР значение и понимание демократии глубоко связаны с историческим опытом исключения большинства населения. Этот исторический опыт включает не только многовековое рабство и колониализм, но и 46 лет борьбы с системой расистского апартеида, который открыто на уровне закона реализовывал исключение черного населения страны, закрывая ему доступ к социально-культурному пространству и экономическим ресурсам.

Движение #FeesMustFall основывается на идее, что демократия в ЮАР стала фарсом, а радужная нация — мифом. Хотя большинство исторически белых учреждений, например, Витватерсрандский и Кейптаунский университеты, с гордостью утверждают, что среди их студентов становится всё больше черных, это на самом деле далеко от истины. Обучение в этих университетах до сих пор является самым дорогим в ЮАР — стране с глубоко укорененным культурным и эпистемическим насилием. Более того, хотя число черных студентов действительно увеличилось, учреждения высшего образования продолжают систематически реализовать механизмы исключения бедных студентов. Такое исключение имеет три основных измерения: социальное, географическое и экономическое.

Граждане ЮАР ожидали, что после 1994 года группы, которые раньше были объектами исключения, выиграют от демократических преобразований. Африканский Национальный Конгресс (АНК) — главная освободительная партия — выступала под лозунгом «Лучшая жизнь для всех». Люди ожидали, что их жизнь улучшится во всех смыслах, включая доступ к свободному качественному образованию, как это провозглашалось в Хартии свободы. Доступ

В последние годы ЮАР охвачена беспрецедентным студенческим движением. По своему масштабу и воинственности его можно сравнить только со студенческим восстанием в 1976 в Со-уэто. Движение #FeesMustFall («Цены за обучение должны снизиться» или «Учиться бесплатно!») возникло в 2015 году и продолжалось в 2017. Требования протестующих включали доступ к бесплатному качественному образованию, а также трансформацию и деколонизацию институтов высшего образования. Это движение захватило все государственные университеты и продемонстрировало уникальный союз между студентами и сотрудниками университетов, работающими на аутсорсинге. В центре борьбы была открытая конфронтация с неудачами демократиче-

к достойному жилью, воде, электричеству, работе, санитарным условиям — все эти блага перечислялись в Программе реконструкции и развития, политическом документе, принятом АНК. Волны протестов против качества обслуживания прокатились по черным поселениям сразу после 1994 года. Ярким примером насилия против мобилизации рабочего движения является кровавая расправа 2012 г. Протесты #FeesMustFall, в числе многих других, показывают, что правительство страны не смогло реализовать чаяний демократических преобразований.

Университеты ЮАР непосредственно встроены в социальную систему. Чтобы проанализировать кризис демократии, наступивший после 1994 года, важно переосмыслить период демократического перехода в ЮАР и связанные с ним переговоры и не только в нашей стране, но на всем африканском континенте. Переговоры о переходном периоде просто-напросто представляли собой стратегическое репозиционирование переговоривающихся сторон, представляемое как отчаянное стремление осуществить «мирный переход». В результате таких переговоров черное население ЮАР получило политические права: электоральные права и право на создание организаций и партий. Эти права постоянно находятся под угрозой государственного насилия, которое регулярно применяется начиная с 1994 года. Необходимо иметь в виду, что экономическая власть и такие стратегические ресурсы, как земля, банки и шахты, по-прежнему находятся в руках прежних владельцев, сохраняя таким образом государственную систему белого превосходства. Такое положение дел отключает почти 80% населения страны от доступа к экономическим ресурсам. Соответственно, обсуждать демократию в ЮАР невозможно без обращения к проблеме структурного экономического неравенства.

Движение #FeesMustFall вызвано практиками исключения; оно выступает с требованиями свободного качественного образования, трансформации и деколонизации академического проекта и университетской культуры. Интересно, что исторически черные университеты, например, Университет Форт-Хэйр, в котором учились многие лидеры африканской борьбы за независимость, всегда выступали с такими требованиями. Однако эта борьба стала привлекать внимание международной общественности, только когда к ней подключились исторически белые университеты. В результате теперь нам сообщают, что эти протесты начались в Витсе (Витватерсрандском университете). Мы видим эффект еще одного проблематичного феномена — романтизации исторически белых университетов средствами белых медиа, исповедующих идеологию белого превосходства. Чрезвычайно важно иметь в виду, что движение #FeesMustFall развернулось через несколько месяцев после того, как движение #RhodesMustFall в Кейптаунском университете уже поднимало вопросы трансформации и деколонизации в ходе обучения студентов во всех образовательных программах. Эта борьба неразрывно связана с проектом деколонизации; она является также неотъемлемой составляющей критики глобального проекта коммерциализации и маркетизации университетов, которые препятствуют их онтологическому и эпистемологическому развитию.

Хотя исторически белые высшие учебные заведения заявляют, что они изменились и стали доступными для

черных студентов, структурное системное исключение продолжает действовать и воспроизводить расовое неравенство. Высокие цены на образование означают, что те, кто может себе позволить оплатить обучение, — а это в большинстве своем привилегированные белые студенты и некоторые черные, принадлежащие к среднему классу, — смогут учиться, а большинство черных студентов будут системно исключены. Таким образом, идеология радужной нации терпит очевидное поражение. Более того, профессорско-преподавательский состав университетов — как граждане ЮАР, так и ученые из других стран — это белые, а программы обучения остаются европоцентричными. Так создается эффект культурного несоответствия. Неспособность большинства представителей академического персонала освоить афроцентричные методы онтологического и эпистемологического производства знания становится вызовом для большинства черных студентов из бедных поселений.

Движение #FeesMustFall противостоит неудачам демократии и стремится достичь конкретных демократических образований и реализовать мечту о радужной нации. И хотя это движение бросает вызов университетской системе и государству, оно само сталкивается со сложными проблемами. На ранних стадиях своего существования движение было единым: в него входили люди самых разных политических взглядов, различной расовой и классовой принадлежности. Однако с самого начала этому движению не хватало внутренней демократии в решении идеологических вопросов и в гендерных отношениях. Хотя движение было инициировано женщинами, сейчас в нем наблюдается доминирование мужчин, а позиции женщин и гендерно нетипичных участников подрываются. Однако участницы движения борются против воспроизводства патриархатной системы. Эти проблемы привели к расколу в движении, и в нём обвиняют тех, кто критикует движение изнутри. Кроме того, государство и университетская администрация становятся крайне репрессивными и регулярно используют насилие. Полицейские, обученные бороться с беспорядками, размещены в университетских кампусах и наделены полномочиями при необходимости применять силу. На студентов-активистов велась охота, их арестовывали и исключали из университета. Под напором репрессивных и антидемократических действий государства движение вынуждено было ретироваться и использовать альтернативные способы ведения борьбы.

Сейчас движение #FeesMustFall замерло. Некоторые активисты еще находятся в заключении, другие предстоят перед судом. И хотя власти ЮАР делают шаги в сторону обеспечения бесплатного высшего образования для бедных, борьба за свободное, качественное и деколонизальное образование продолжается. Демократия остается событием, которое произошло на улицах Южной Африки в 1990-е гг. Оно завершилось освобождением покойного лидера борьбы Нельсона Манделы и других политических заключенных Роббензйленда. В глазах большинства жителей страны демократия потерпела поражение, а «радужная нация» стала мифом. Активисты #FeesMustFall продолжают борьбу; для женщин и других маргинализированных групп демократия остается борьбой, которая продлится на века. ■

Адрес для связи: Хленгиве Ндлову <hlengiep@gmail.com>

> Демократия в Афинах

Герасимос Кузелис, Афинский университет, Греция

Протесты против политики затягивания поясов перед Греческим парламентом. Flickr/konterz. Некоторые права сохранены.

Разговор о прямой демократии сегодня многим может показаться идиллическим, поскольку потенциал ее применения крайне ограничен. Представление о настоящем демократическом контроле, проявляющемся за пределами парламентской системы, в современной литературе выглядит как радикальная позиция с элементами утопии. Как может «демос» — народ — реализовать власть даже опосредовано или осуществлять контроль при режиме, условия существования которого полностью определяются внешними акторами — международными организациями, которые не являются демократическими структурами. Условия «меморандумов о понимании», которые действуют в Греции, не допускают функционирования демократии. Парламент — орган народного представительства — не может действовать самостоятельно, его решения в большинстве своем предопределены внешними силами.

Тот факт, что национальный суверенитет, как и право парламента на принятие автономных решений, подвергается опасности, является результатом кризиса, который определяется как налоговый и потому имеет финансовые последствия в виде греческого долга. Именно поэтому ограничения суверенитета оправдываются. И в самом деле, этот кризис привел к мерам жесткой экономии и ограничил национальный суверенитет, поэтому экономизм в объяснении вполне уместен. Однако этот кризис стал налоговым по социально-экономическим и идеологическим

причинам. Потенциал и необходимость этого кризиса объясняются разоружением регулирующей функции социального государства; господством разрушительной либеральной идеологии в условиях отсутствия реального оппонента. Кризис является следствием политической и социально неконтролируемой перестройки отношений между разными отраслями экономики. И в особенности он является следствием консолидации капитала и организации экономического политического блока. Таким образом, конкретное соотношение сил сделало возможным этот кризис, взростило его и наживается на нём.

Хотя термин «неолиберальное господство» представляет собой очевидное упрощение, он показывает, как упадок демократии с самого начала сопровождался превалированием дискурса (неолиберального), который фиксирует, легитимизирует и расширяет этот тип господства. В контексте греческого кризиса, в особенности, глубокая деконструкция демократии стала очевидной холодной и жесткой истинной неолиберализма. Развитие этого дискурса, условия его артикуляции и его последствия, динамика капиталистического воспроизводства, как и навязанные краткосрочные направления развития — всё это приводит к усилению социального авторитаризма.

Ниже я привожу несколько широко известных характеристик периода 2010–2015 гг., до последующих политических изменений в Греции:

>>

- Крайнее усиление экономической власти и ее вмешательство в сферу социальной организации за пределами собственно производства. Иллюстрацией этого тренда является масштаб и характер скандалов, которые пронизывают в это время «элиты» и связывают экономические интересы с политическими.
- Полная коммерциализация медиа и культурных практик — особенно монополистических СМИ и печатных магнатов, представляющих партийные интересы.
- Упадок политической репрезентации и реконструкция её по шаблонам бизнеса и маркетинга. Примером являются партии, выходящие за пределы политического, представленные как коммерческие продукты и репрезентированные телевизионными «звёздами».
- Преобладание объяснений, главным принципом которых является слепая циркуляция товаров («рынок укажет путь»).
- Навязанный так называемый «демократический менеджмент», который предполагает постоянную экспансию исполнительной и частично судебной власти за счет законодательной. Иллюстрацией являются постановления, которые принимают министерства без одобрения парламента, и судебное вмешательство, которое оказывается политическим по своей природе и действует на грани произвола.
- Дестабилизация государственного суверенитета на национальной и международной арене. Этот тренд реализуется благодаря ежедневным оправданиям «требований Тройки».
- Создание сегментов политики, закрытых для демократического контроля, удалённых от общественного обсуждения, невидимых для парламента, таких как поле фискальной и монетарной политики. Эта закрытость касается также брюссельских решений. Такая сегментация создает состояние исключительности для ряда сфер политических решений.

После политических изменений 2015 года изменились и вышеуказанные характеристики режима. Так, например, эксплицитная направленность на усиление демократических процессов — ключевая цель политики СИРИЗА — способствовала изменению последней характеристики греческой политики. В стране в значительной степени, хотя и не полностью, восстановлен парламентский контроль, хотя большинство решений все еще продиктованы внешними центрами или связаны с обязательствами перед (так называемыми) институциями.

В основном новые политические условия ограничивают опасно усилившуюся до этого политику мер безопасности, надзора и авторитарного силового подавления, которые предполагали открытое сотрудничество силовых структур с нацистскими группами. Это позволило обществу развить свои демократические рефлексии. Демократия в повседневной социальной и политической жизни снова стала «нормальным» явлением.

И все же до сих пор сохраняются две области, в которых продолжает доминировать неолиберальный дискурс, что мешает эффективности политики восстановления демократии. Во-первых, мы имеем в виду циничное определение реальности в категориях фискальных данных (в налоговых терминах) как сложного ряда позиций, которые «народ» просто не может понять и о которых он не может высказать здравое суждение. В связи с таким определением реальность становится в основе своей неподконтрольной и выходящей за сферу ответственности любого демократического планирования или коллективных решений. Вторая область

господства неолиберализма — это деконструкция публичной сферы, откуда следует невозможность формирования общественного мнения, базирующегося на обоснованном суждении. Массированный дискурс медиа, контролируемый небольшим числом лиц, по-прежнему остается первичной системой, которая монополизирует «конструирование реальности» несмотря на изменения, происходящие на политической сцене. В этих условиях режим консультаций и обмена аргументами становится фактически невозможным.

Необратимые изменения положения вещей в этих двух областях напоминает нам о том, что деконструкция демократических процессов связана не столько с неолиберальным управлением кризисом, сколько с системными характеристиками социальной организации, а именно — с элементами кризиса демократии, наблюдаемого в последнее время.

С другой стороны, можно отметить изменение наиболее заметного дискурса, который оправдывает ограничение демократических процессов потребностями решения экономического кризиса. Здесь имеется в виду риторика «необходимого» ограничения прав. При этом речь идет не столько о социальных правах, но и также и о кризисе беженцев, манипулировании угрозой терроризма для ограничения публичного волеизъявления (выборы, референдумы) и о политических правах. Первые пять лет кризиса правительства продолжали сокращать социальные права (на труд, социальное обеспечение и медицинское обслуживание), а также отказывали гражданам в удовлетворении политических требований (усиливая контроль и манипулируя общественным мнением). Культивировалось представление о том, что социальные и политические права представляют собой «роскошь» в условиях нехватки экономических ресурсов. Новое правительство, поставив в центр своей политики забытый предшественниками демократический принцип солидарности, показало, что кризис был просто предлогом для отказа от демократии.

Есть сфера, в которой картина остается прежней, и кризис продолжает играть существенную роль как идеологически, так и на сущностном уровне. Это организация повседневной жизни граждан, их представлений, ожиданий, перспектив и надежд в отношении собственной жизни, своей семьи и жизни своего сообщества. Устойчивость в этой сфере имеет критическое значение, поскольку отсутствие перспектив есть основа прототалитарных и антидемократических настроений.

Рост влияния неонацистских сил действительно представляет собой угрозу. Они приобретают все больший вес и демонстрируют формирование нового для Греции типа политической организации. Их манифестации приобретают форму «рэкета», типичную для пара-экономики и бытового хулиганства. В этой связи надо отметить негативную роль, которую играет в этом процессе дискурс об особых политических силах, взращивающих национализм и популизм, а также определенные аспекты преобладающего неолиберального дискурса о доходах и власти (дискурс о «сильных личностях» и «эффективном принятии решений», которое преодолевает ригидность институциональных правил и «бюрократические» ограничения). Этот дискурс часто не только перерастает в пустую риторику, но также легитимизирует «бандитскую политику» (*gang politics*). Таким образом, мы призываем исследователей и активистов обратить внимание на выраженное ослабление демократии в настоящих условиях. ■

Адрес для связи: Герасимос Кузелис <gkouzelis@pspa.uoa.gr>

> Социальные медиа и демократия: обоюдоострое оружие?

Харьяти Абдул Карим, Университет Малайзии Сабах (УМС), Малайзия

Смартфоны и социальные медиа стали неотъемлемой частью политических движений. Flickr/Sakuto. Некоторые права сохранены.

Ключевое влияние социальных медиа на общество заключается в том, что они стали мощным орудием усиления контроля и власти простых граждан над их собственной жизнью. Современная социальная жизнь характеризуется интернет-активизмом, в который легко вовлекаются люди со смартфонами в руках, следующие самым различным социальным траекториям. Интернет-активизм способствует участию граждан в общественных дискуссиях о своей собственной стране и внешнем мире, оставаясь относительно анонимными. Это особенно ценно в странах, где

свобода выражения не является частью культуры или нормой.

Малайзия не является исключением в этом тренде. Сегодня граждане страны с религиозным рвением используют социальные медиа, чтобы выразить свое отношение по всевозможным поводам, что совсем не похоже на их прежнее поведение. Для них стало привычным постить комменты, загружать в свои аккаунты видео и словесную информацию о веб-сайтах по проблемам, которые их занимают, и начинать дискуссию среди интернет-дру-

>>

зей. Такие социальные медиа, как Facebook, Instagram и Youtube, крайне популярны среди малазийцев. В топе популярности находится Фейсбук, который используют 81% граждан, причем почти 90% из них получают к нему доступ с помощью смартфона.

Рост либерализации малазийцев за счет социальных медиа можно подтвердить их сильными высказываниями, открытостью, с которой они обсуждают такие сензитивные темы, как религия, этничность, отношение к правительству, несмотря на то, что существуют законы, ограничивающие такие обсуждения. Участие в обсуждении национальных проблем, которые непосредственно их касаются, создает в обществе здоровую и живую атмосферу. Социальные медиа не только повышают заинтересованность в политике, но и позволяют малазийцам выражать и оттачивать свою гибридную локально-глобальную идентичность.

В странах, где государство жестко контролирует СМИ, либо владея ими, либо благодаря законодательному регулированию, каналы коммуникации альтернативных взглядов крайне ограничены. Поэтому люди уходят в подполье и действуют с помощью новых медиа. Социальные медиа оказываются более эффективными в создании общественного мнения, нежели альтернативные новостные порталы. Пример этого эффекта мы наблюдали во время Арабской весны, когда каналы коммуникации были жестко ограничены и публика утратила доверие к правительству и мейнстримным СМИ. В то время социальные медиа были единственными источниками информации и тем пространством, в котором люди могли выражать свои взгляды.

В Малайзии социальные медиа сыграли значительную роль в том политическом цунами, которое нахлынуло во время выборов 2008 года, когда медленно стала разрушаться гегемония правительства Национальной коалиции (*Barisan Nasional*, или BN). Тогдашний политический оппонент BN, Союз Свободы (*Pakatan Harapan*, или PH), продолжал действовать в подполье, поскольку не получал доступа к мейнстримным медиа. Социальные медиа стали оружием киберармии Союза Свободы и способствовали пропаганде его взглядов среди населения. Социальные медиа постоянно освещали на страницах фейсбука такие конфликтогенные вопросы, как налог на товары и услуги, высокую стоимость жизни, коррумпированность правительства. Дискуссии захватывали граждан и создавали, таким образом, публичную сферу. Блогеры, поддерживающие PH, старались обеспечить ему поддержку общественного мнения. Во время последней 14-й избирательной кампании в целях агитации использовались чаты в WhatsApp как дополнение к Твиттеру и Фейсбуку. В отличие от платформы Facebook, WhatsApp доставляет сообщения каждому адресату персонально. Разговорная группа WhatsApp создала публичное пространство для обсуждения сообщений Союза Свободы. Возможно, именно эта хорошо срежиссированная стратегия электоральной кампании Союза, сфокусированная на конкретных проблемах и постоянное возвращение к

их обсуждению, помогла сменить правительство BN, которое находилось у власти 61 год. Правящая партия BN медлила с обращением к социальным медиа, поскольку была поглощена контролем мейнстримных СМИ. В результате своей коммуникационной стратегии Союз получил на выборах 9 мая 2018 года 113 из 222 парламентских мест, в то время как правящая коалиция сохранила лишь 79 мест.

Социальные медиа оказываются обоюдоострым оружием в отношении свободы слова и демократии. С одной стороны, они открывают возможности для свободы выражения и роста влияния на общество, но они также прокладывают путь для фейковых новостей и их распространения. Фейковые новости становятся реальной проблемой малазийцев. Во время последней национальной избирательной кампании поток ложных новостей был более мощным, чем объем аутентичной информации о событиях. И этому эффекту способствовали социальные медиа. Фейковые новости искажают информацию так искусно, что граждане фактически лишаются права на знание истины. Доверие к социальным медиа как единственному источнику информации способствует дальнейшему распространению фейковых новостей, поскольку граждане редко перепроверяют факты. Попытка правительства препятствовать этому явлению с помощью антифейкового Акта 2018 года не привела к желаемым результатам. В этом документе не удалось четко определить, что собственно является новостным фейком. Во всяком случае, этот акт, вероятно, станет законом-однодневкой, поскольку новое правительство уже заявило о своем намерении пересмотреть его.

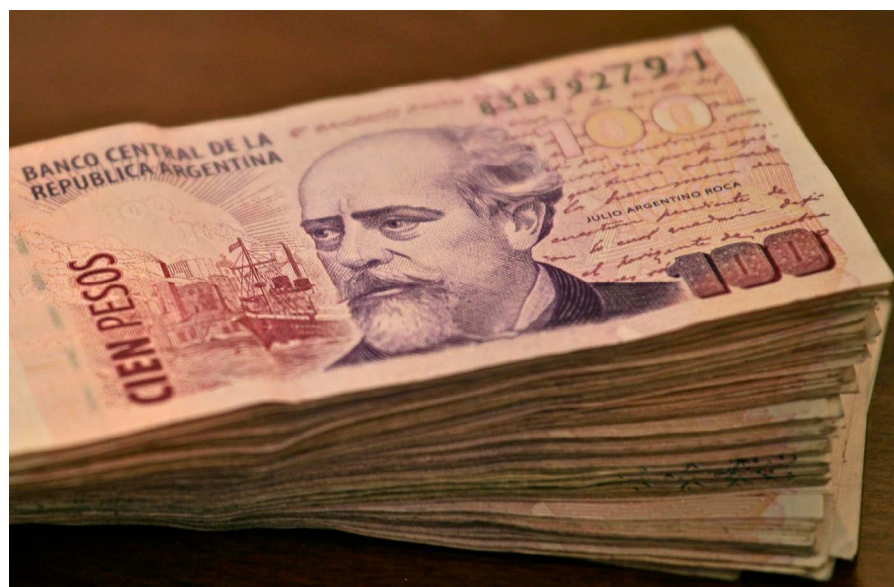
Обозначим еще одну угрозу со стороны социальных медиа. Она становится очевидной, когда политический фанатизм сторонников господствующего класса превагирует над другими взглядами, выражаемыми в киберпространстве. В этом случае сторонники альтернативных позиций подвергаются кибербуллингу. В результате одни жертвы травли демотируются и отказываются от участия в демократических онлайн дискуссиях, а другие переживают травмы, вызванные враждебными выпадами политических фанатиков. Даже в тех случаях, когда критика властей имеет весьма веские основания, политические фанатики объединяются в своей травле, осуждают своих противников в сети и отказывают им в праве на свободу выражения своего мнения. Отсутствие цивилизованности и рациональности приводит к разрушению здоровой дискуссии об общественных проблемах.

Чтобы социальные медиа стали эффективным инструментом истинной демократии, необходимо, чтобы сформировалась культура и нормы медиа грамотности. Граждане должны освоить смысл рациональной коммуникации. Только в этом случае может произойти истинная реформация нации посредством обмена идеями. ■

Адрес для связи: Харьяти Абдул Карим <haryati@ums.edu.my>

> Отступление демократии в Аргентине

Эстебан Торрес Кастаньос, Национальный Университет Кордовы и Национальный Совет по науке и технике (CONICET), Аргентина

Новый экономический кризис стал вызовом для аргентинской демократии. Flickr/Alex Proimos. Некоторые права сохранены.

Аргентинская республика переживает поразительный откат демократии. Сложность и масштаб отступления демократии трудно понять на основании теорий перехода, которые стали основными аналитическими подходами после свержения военной диктатуры и на которые до сих пор опираются левые и прогрессивные силы нашей страны и Латинской Америки в целом. Современная демократизация, понимаемая как социальный процесс экспансии общественной собственности, имеет три основных вектора: технико-политический, технико-экономический и технико-коммуникационный. Каждый из этих векторов имеет несколько измерений. Здесь я просто опишу основные события, которые предшествовали структурному отступлению аргентинской демократии в 2018 году. Эти события связаны с репрессивным измерением политического вектора и чрезвычайно значимой характеристикой технико-экономического вектора в периферийной стране — степенью автономии государства в определении его макроэкономической политики.

Обсуждая вектор усиления политических репрессий, нужно назвать два основных события, которые усиливали друг друга по своему эффекту. Во-первых, мы имеем в виду принятие Декрета исполнительной власти о доктринальной и функциональной трансформации вооруженных сил страны. Второе событие в этом ряду — правительственная поддержка военных баз США на территории Аргентины.

Согласно Декрету № 683/2018, в основе трансформации вооруженных сил лежит передача им полномочий по обеспечению национальной безопасности. Таким образом, граница между задачами внутренней безопасности и защитой государства от внешних угроз фактически растаяла, что привело к усилению правительственных мер по криминализации социальных протестов, прокатившихся по стране после электоральной победы политической коалиции Камбьемос (*Cambietos*) в декабре 2015 года. С помощью этих мер правительство Маурисио Макри старается поставить вооруженные силы на службу «антитеррористической программе и борьбе с наркоторговлей». Таким

образом, действия аргентинского правительства полностью соответствуют международной политике США. Новый декрет аннулирует Декрет № 1691/2006, а правовая рамка, состоящая из Законов о национальной безопасности (1998), Законов о защите страны от внешней угрозы (1992) и Законов о национальной разведке (2001), оказывается расколотой. Названные выше правовые акты были приняты в результате тридцатилетнего демократического развития и основаны на исторически беспрецедентном по своему масштабу многопартийном консенсусе.

Что касается второго события, мы видим, что государство содействует размещению на аргентинской земле американских военных баз, техническое руководство которыми осуществляется командованием США. До сих пор для этих баз выделены три территории: тройственная граница Аргентины, Бразилии и Парагвая, Тьерра дель Фуэго (Ушуйя) и провинция Некен. Значимость этих двух событий усиливается третьим — прибытием армии США на территорию Аргентины в 1918 году для проведения совместных учений с местными вооруженными силами. Как объявили представители правительств обеих стран, целью этих учений было информирование «о распространении оружия массового разрушения». Прибытие иностранных военных подразделений требует одобрения Национального конгресса, но правящая партия не обратилась к Конгрессу с соответствующей просьбой.

Кроме того, необходимо обратить внимание на второй ряд событий, которые привели за рекордно короткое время к полной утрате государственной автономии в определении макроэкономической политики. Я имею в виду политику внешней гиперзадолженности, которой следует правительство Макри. Два основных показателя этой политики: рост внешнего долга относительно ВВП Аргентины и обязательства, взятые правительством перед кредиторами. Аналитики показывают, что в рамках нынешнего режима финансовой стоимости валют при нынешнем правлении политической коалиции «Камбьемос» («Давайте изменим мир») наблюдается самый большой рост внешнего долга в истории страны. Государственная экономическая политика правительства Кристины Киршнер (2003–2005) была ориентирована на снижение внешнего долга и занимала жесткую позицию в переговорах с кредиторами. Относительная успешность такой политики способствовала росту промышленного производства. Она также позволила отказаться от модели финансовой (*financal value*) политики 1970–2001 годов. Начиная с декабря 2015 года правительство Макри вернулось к политике роста внешней задолженности как ключевому инструменту перезапуска системы финансовой стоимости. Отношение внешнего государственного долга к ВВП растёт, начиная с 2011 года, когда он составлял 14,2%, то есть был самым низким после

восстановления демократии в 1983 году. После этого долг начал расти. Рост задолженности резко ускорился при правительстве Макри и в июне 2018 г. достиг 65,5% ВВП. Таким образом, коэффициент задолженности Аргентины изменился с низкого до крайне высокого и трудно контролируемого уровня за рекордно короткое время. Общая сумма долга в местной и иностранной валюте достигла эквивалента, близкого к 133 млрд долларов, что превратило страну в самого крупного суверенного должника среди мировых экономик в 2016–2018 гг.

Что касается отношений с кредиторами, основным событием этого нового цикла задолженности является восстановление подчиненной связи Аргентины с Международным валютным фондом (МВФ), после того как страна рассчиталась с долгом этой организации. Это возмездие материализовалось в запросе на крупный заем величиной 50 млрд долларов. Эта сумма не только существенно превышает размеры прежних займов, которые Аргентина брала у МВФ, но и предполагает, что займодавец осуществляет контроль над налогами и инфляцией в стране, которой предоставлен заем. Таким образом, президент Макри фактически передаёт управление экономикой Аргентины в руки МВФ. Его правительство становится исполнительным рычагом монетаристской неолиберальной программы реструктурирования экономики, которую продвигает МВФ.

Политика милитаризации и ускоренного роста гиперзадолженности разрушает национальный суверенитет Аргентины и вызывает массовые протесты по всей стране. Оппозиционные силы включают широкий спектр социальных акторов, которые терпят ущерб от этой политики или оказываются исключенными из общественной жизни по причине регрессивной социальной трансформации. Несмотря на явный перевес политических сил в пользу проводников нового режима глобализованного частного макроприсвоения, политическое будущее Аргентины неопределённо, а сторонники демократии также имеют влияние в обществе. Нужно иметь в виду, что исследователи не должны ограничиваться описанием процесса демократического отката. Задача заключается в том, чтобы объяснить этот феномен, опираясь на многомерное понимание демократии, которое включено в новую социальную теорию апроприации и социально-исторических изменений. Такая объяснительная модель позволит выработать новую программу левых с учетом расстановки сил в социальной игре апроприации, в которую мы все вовлечены. Чтобы не допустить полного разрушения демократии в нашей стране, эта программа должна быть реализована. ■

Адрес для связи: Эстебан Торрес Кастаньос <esteban.tc@conicet.gov.ar>

> Умалчиваемая роль женщин в Египетской революции

Эми Остин Холмс, Американский университет в Каире, Египет, приглашённый исследователь Гарвардского университета

Flickr/lokha. Некоторые права сохранены.

Под гипнотическим воздействием зрелища массовых протестов на площади Тахрир Арабская весна привела к новому интересу в изучении революций. Несмотря на огромный поток литературы, довольно часто в ней явно недостаточно освещается участие женщин. Книга Р. Ф. Хельмера *A Revolution Undone* [Несвершенная революция] начинается со списка основных деятелей революции, включающего 27 имен. В этом глоссарии упомянута только одна женщина. На обложке книги Филипа Марфлита *Egypt: Contested Revolution* [Египет: спорная революция] изображена женщина, но и в этой работе совсем немного написано о роли женщин в революционной борьбе. Другие исследователи в основном описывают женщин как жертв домогательств или насилия, но не как активных действующих лиц, которые оказали влияние на динамику событий. Чтобы обнаружить тексты о женском участии в обширной литературе, посвященной Арабской весне, нужно обратиться к таким тематическим разделам, как гендерные исследования, поскольку данная тематика в целом не освещается в описании восстания. Я живу в Каире с 2008 года и могу засвидетельствовать, что женщины участвовали в каждой протестной акции, в каждом сит-ине, в каждом событии Арабской весны. Однако имена женщин стирают со страниц исторических нарративов о Египетской революции. Грядущие поколения могут получить представление, что роль женщин была незначительной, тогда как это совершенно не соответствует истине.

Женщины не просто выступали в защиту своих прав. Начиная с периода диктатуры Мубарака, все годы сопротивления и вплоть до сегодняшней реконфигурации режима при президенте Сиси женщины часто оказывались на переднем крае революционной борьбы. Еще в 2005 году, при авторитарной системе, три женщины основали группу борьбы с коррупцией и политическим мошенничеством, требуя обеспечить хотя бы минимальную степень подотчетности режима. Группа занималась мониторингом президентских и парламентских выборов. Группа называется *Shayfeencom*, что означает «мы следим за вами». Одна из основательниц этой инициативы, Бусайна Камель, была первой женщиной, кандидатура которой была выдвинута на пост президента в современном Египте. Еще до революции *Nadeem Center* был единственной организацией в Египте, которая занималась лечением и реабилитацией жертв пыток, и она была основана женщиной, д-ром Аидой Сеиф Эль-Давла. Знаете ли вы, кто снял видео-ролик, который стал известным всей стране за неделю до 25 января 2011 года, и выступил катализатором уличного протеста, в котором приняли участие миллионы граждан. Это была тоже женщина — Асмаа Махфуз, участница молодежного Движения 6 апреля.

После отстранения Мубарака к власти в Египте на полтора года пришла военная хунта, известная как Верховный совет вооруженных сил. Как я писала ранее, одним из наиболее

>>

Бусайна Камель (на фотографии), Азза Солиман, Мозн Хассан, Яра Салам и Фатма Рамадан — примеры женщин, которые противостоят усиливающемуся давлению режима Сиси. Фото: Эми Остин Холмс.

радикальных требований революции было свержение военного правления. Это требование подразумевало не реформу, необратимое изменение или снятие с должности диктатора, но было призывом к фундаментальному изменению структуры государственной власти, введению гражданского правления в стране, которая находилась под управлением военных с самого провозглашения независимости в 1952 году. Египетские вооруженные силы основаны на всеобщей мужской воинской обязанности. Таким образом, женщины оказываются исключенными из основных институтов власти. И, возможно, совсем не случайно главными активистами антивоенных групп стали женщины. Группа «Нет военным судам!» выступила с требованиями покончить с практикой передачи граждан военным трибуналам. Среди лидеров этой группы — Шахира Абу Лейл и Мона Сеиф. Другая группа разоблачила множество нарушений прав человека со стороны военных, установив видеокamеры в общественных местах. Группа называлась *Askar Kazeboon*, что в переводе означает «военные — лжецы». Одной из ее основательниц была Салли Тома, исповедующая коптское христианство.

Чаще именно женщины сокрушали социетальные табу, обсуждая чудовищное насилие в отношении как женщин,

так и мужчин. Самира Ибрагим прорвала завесу молчания, окружавшую практику военных тестировать на девственность задержанных полицией женщин. Хеба Морайеф, которая во время революции была директором офиса *Human Rights Watch* в Египте, стала единственной женщиной, чье имя Хелльер включил в свой глоссарий. Именно она возглавила борьбу против проверок на девственность. Женщины также играли ключевую роль в защите прав мужчин. Так, Далия Абдель Хамид, научный сотрудник Египетской инициативы по защите прав неприкосновенности личности (EIPR), подняла голос против преследований ЛГБТ в Египте в 2017 году, включающих насильственное анальное тестирование мужчин, которых подозревали в гомосексуальности.

Женщины были также на передовой оппозиционных медиа. Лина Атталах — основательница и главный редактор «*Мада Маср*», новостного сайта, который газета *The Guardian* в 2015 году описала как единственный пример свободной прессы в Египте. За свою опасную политику распространения правдивой информации, это онлайн издание стало одним из первых сайтов, заблокированных в 2017 году. Теперь спустя год оно по-прежнему находится под жесткой цензурой.

Новое поколение Нубийских активистов также включает выдающихся женщин. Фатма Эмам участвовала в разработке проекта Конституции, и ей удалось включить упоминание Нубии в этот документ впервые за все историю конституционного Египта. Будучи блогером и исследователем, она продолжает содействовать обсуждению и осознанию таких сензитивных вопросов, как военный захват исконных нубийских земель вдоль границы с Суданом. Весной 2017 года Сехам Осман из города Асуан стала первой женщиной, заявившей о намерении выдвинуть свою кандидатуру на пост Президента Всеобщего Нубийского Союза. К сожалению, она отказалась от этой идеи после серьезного внешнего давления.

И наконец, назовем одну из самых известных юристов-правозащитников — Махьенур Эль Массри. Она известна своей борьбой за права всех египтян, включая почти 20 женщин, поддерживающих Мусульманских братьев, несмотря на то, что она является самым жестким критиком политики этой партии. Эль Массри также выступала в защиту сирийских беженцев и настаивала на том, чтобы проводить с ними ночь в полицейских участках, чтобы убедиться, что они не подвергаются издевательствам и пыткам. В 2014 году она получила премию имени Людовика Трарье за правозащитную деятельность. Нельсон Мандела получил эту награду в 1985 году.

Такой краткий обзор женского участия является далеко не полным. На самом деле всех участниц, внесших колоссальный вклад в дело революции, просто не перечислить. Более подробный анализ представлен в монографии Нермин Алам *Women and the Egyptian Revolution* [Женщины и Египетская революция]. Тем не менее, я стремлюсь показать, что женщины в Египте не просто защищают права женщин. Они были интегральной частью общей борьбы. Вычеркнуть женщин из истории революции или выделить им место только в области гендерных исследований — значит воспроизвести те патриархатные структуры, против которых они боролись. ■

Адрес для связи: Эми Остин Холмс <holmes@aucegypt.edu>

> Глобальное управление

Петер Валь, член исполнительного комитета Ассоциации мировой экономики, экологии и развития (WEED), Берлин, со-основатель социальной сети Attac¹, Германия

Иллюстрация Арбу.

В 1990-е годы началась карьера понятия «глобальное управление». Оно возвещало возможности осуществления нового более демократического типа международной системы и глобализации с человеческим лицом. История понятия является крайне поучительной.

Прежде всего – нельзя путать термины *управление* и *правление* (*governance is not government*). Слово *governance* происходит от французского *gouverner*, что означает на-правление, регулирование, отслеживание. По сути, в этом понятии связаны воедино следующие представления о происходящих мировых процессах.

- Экономический процесс глобализации избегает политического регулирования. Данный эффект является результатом триумфа неолиберализма, который полагается на рыночное самоуправление, либерализацию, приватизацию и дерегулирование.
- Появились новые глобальные проблемы, такие как, например, глобальное потепление, решение которых выходит за пределы возможностей отдельных национальных государств.
- Конвенциональные международные проблемы, например, коллективная безопасность, гонка вооружений, нераспространение ядерного оружия и др., явно требуют новых подходов.
- Новые формы политического регулирования осуществляются за счет микса формальных и обязывающих соглашений, установления стандартов, добровольных двусторонних и сетевых соглашений, которые все вместе создают определенную форму режима.
- Все эти процессы создают потребности в новом типе взаимодействия между акторами международной системы, такими как правительства, надгосударственные институты, бизнес-сектор, гражданское общество. Включение, кооперация, диалог, *networking*, переговоры и баланс интересов являются ключевыми инструментами глобального управления.

После завершения холодной войны понятие глобальное управление получило реальный шанс на воплощение: оно соответствовало духу времени и стало популярным. Сим-

>>

волом такого поворота стала крупнейшая международная конференция ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 году, в которой приняло участие более сотни глав государств и массово участвовали представители гражданского общества. В Рио наблюдался прорыв нарратива о «едином мире», где на равных уживались либеральный космополитизм и левый интернационализм.

Однако вскоре наступило разочарование. Уже через пять лет на первой установочной конференции стало очевидно, что глобализация неолиберального капитализма не держит своих обещаний. Не существует общего мирового роста — волны благосостояния, которая поднимает как малые судёнышки, так и большие корабли. Напротив, появляется слишком много проигравших. И многие из них живут в странах с развитыми экономиками. Данный тренд имеет последствия, масштабы которых мы обнаруживаем только теперь: массовый рост правового экстремизма, который поддерживают проигравшие в результате глобального экономического неолиберализма. Как показали массовые протесты на встрече стран ВТО в Сиднее в 1999 году, все большее число людей увидели обратную, тёмную сторону глобализации с её угрозами социальной справедливости, окружающей среде и демократии.

Другими словами, в мире возобладала динамика капиталистической рыночной экономики. В 2008 году уверенность в эффективности финансовых рынков и их способности к саморегулированию превратилась в миф. Финансовый капитализм вышел из-под контроля и привел к величайшему финансовому кризису со времен Великой депрессии. Глобальное управление не смогло оказать ни малейшего влияния на этот процесс, не говоря уже о том, чтобы воспрепятствовать ему.

Помимо того, глобальное управление оказалось бесплодным не только в сфере экономики. В 1997 году был инициирован процесс расширения НАТО на Восток, направленный против ельцинской России. Когда НАТО начало войну в бывшей Югославии в 1999 году, не получив на это мандат ООН, следствием стала цепная реакция актов односторонней силовой политики. Далее последовала «война с террором», начавшаяся после 11 сентября, нападение на Ирак силами глобальной «коалиции добровольцев» (*coalition of the willing*), одностороннее провозглашение независимости Косово под защитой НАТО в 2008 году и смена режима в Ливии в 2011 г. Все это является полной противоположностью подходу глобального управления.

В этой связи неудивительно, что появились и противоположно направленные действия. А именно, Россия и за ней постепенно Китай сочли необходимым выступить против порядка, установившегося после холодной войны. Это не просто феномен временного характера. Действия этих стран вызваны глубокими тектоническими трансформациями. Мы наблюдаем переход к полицентричному мировому порядку. Его основные характеристики — это превращение Китая в супердержаву, возвращение России как крупной силы государственного капитализма, смещение экономи-

ческого центра гравитации в сторону Азии и (относительная) эрозия господства США и стран Запада.

Новые игроки организуются в различном изменчивом составе, создают союзы на разных основаниях, такие как БРИКС или Шанхайская кооперация. Они учреждают многосторонние финансовые институты, подобные Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (*AIIB*), который задуман как альтернатива МВФ или Мировому банку и проектирует огромные экономические инфраструктурные проекты, такие как Новый шелковый путь. Эти процессы сопровождаются возникновением параллельных структур мировой экономики. Так возникает альтернатива электронной системе глобальных финансов *SWIFT*, созданная Китаем и Россией, и их собственная система кредитных карт, которая разрушает глобальную монополию Mastercard, карт Visa и American Express. Торговые соглашения при организации билатеральных сделок все больше замещают доллар, и таким образом подрывается одна из основ гегемонии США. Другими словами появляется альтернативный тип реакции на глобализацию, основанный на идее компенсационной власти. Одним из элементов этой стратегии является «селективная деглобализация».

Несомненно, новый мировой порядок приносит новые риски. Как и всегда в таких условиях, возникают конфликты и нестабильность, порождённые конкуренцией между новыми и старыми устоявшимися игроками. Эти риски приобрели новое качество с приходом к власти администрации Трампа и его экстремистской односторонней политикой, направленной на реализацию лозунга «Сделаем Америку снова великой державой!»

Если мы зададим себе вопрос, почему стратегия глобального управления не сработала, мы можем выделить следующие основные причины:

- слепота в отношении отношений власти в политической экономии глобального капитализма, или (если пользоваться марксистскими категориями) *молчаливое насилие экономических отношений*;
- слепота в отношении отношений власти в рамках международной политической системы,
- недооценка инерции национального государства как все еще господствующей рамки организации капиталистического общества.

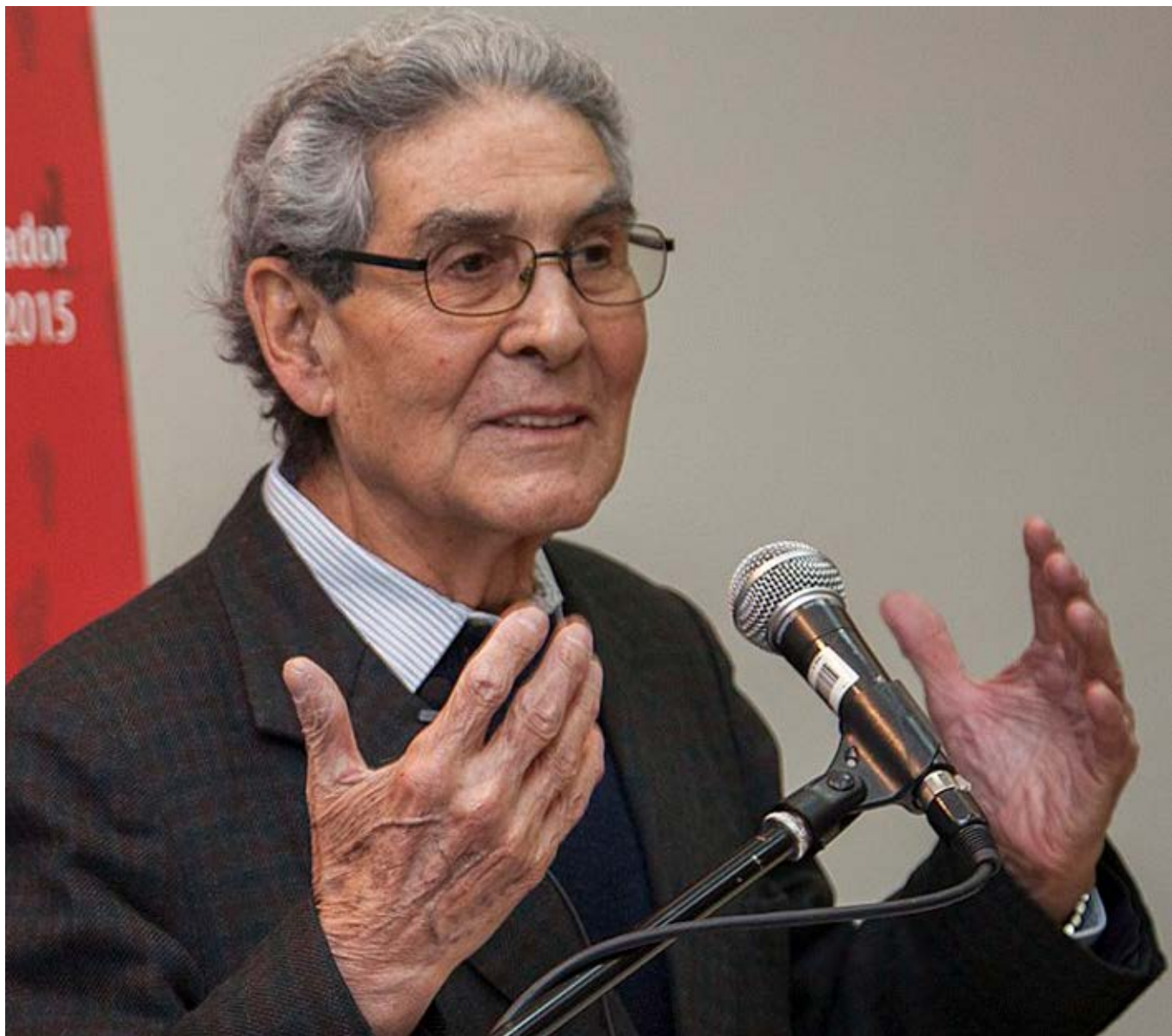
Глобальное управление с самого начала было слишком идеалистическим понятием. И все же идея международной кооперации сохраняет свою значимость, и критическая социальная теория и практика не должны от нее отказываться. Более пристальный взгляд на отношения кооперации (выявление того, кто кооперируется с кем и против кого) и реалистическая оценка баланса сил необходимы для развития действенных альтернатив существующему положению дел. ■

¹ Attac – международное движение, целью которого является разработка социальных, природоохранных и демократических альтернатив глобализации.

Адрес для связи: Петер Валь <peter.wahl@weed-online.org>

> ИСТИННЫЙ интеллектуал

Николас Линч, Национальный университет Сан-Маркос, Перу

Анибал Кихано в 2015 г.
Лицензия Creative Commons.

Анибал Кихано (1928–2018) является лучшим в своём роде критически мыслящим интеллектуалом в Перу и Латинской Америке, который всегда поступал в соответствии со своими принципами. В 1960–1970-е гг., когда он сформировался как социолог, критика статус-кво была на пике своего развития. Кихано никогда не под-

давался призывам марксизма-ленинизма, который достиг своего самого варварского выражения в коммунистической партии «Сияющий путь». В 1990-е гг. на фоне влияния Всемирного банка и Международного валютного фонда он выступил с публичным осуждением субалтернизации определённых социальных категорий и разработал объяснение процессов,

>>

происходящих в Перу и в Латинской Америке в целом.

Кихано большую часть времени работал профессором и исследователем в своём родном университете Сан-Маркос в Лиме (Перу), но также и в ряде других университетов Латинской Америки и США. В результате публикаций в журнале *Sociedad y Política* [Общество и политика] и их последствий он был депортирован в Мексику военным правительством Хуана Веласко Альварадо. Таким образом, Кихано стал публичным интеллектуалом, глубоко преданным народной борьбе Перу и Латинской Америки. Он посвятил всю свою жизнь анализу социальных и политических процессов, которые формируют общество, и изучению механизмов его трансформации.

Первый значимый аспект вклада Кихано в развитие социальной науки — эпистемологический. Он объясняет социальные процессы в регионе «с позиции Юга». При этом Кихано уходит от дихотомии «традиция/современность», возникшей в рамках функционалистского подхода в социологии, и осуществляет концептуализацию в контексте дискурса историко-структурной гетерогенности. Он рассматривает формы производства, сосуществующие в латиноамериканских обществах и организованные на основе капитала, как феномен не только региональный, но также транснациональный и, в конечном счёте, глобальный.

Таким образом, Кихано обратился к исследованию условий зависимости Латинской Америки. Хотя сам исследователь не ссылается на «теорию зависимости», очевидно, что его тек-

сты стали частью дискуссии, которую начали в 1950-е годы Рауль Пребиш и ЭКЛАК (Экономическая комиссия Организации Объединённых Наций для Латинской Америки и Карибского бассейна), затем продолжили Кардосо, Фалетто и, наконец, Руй Мауро Марини в 1960–1970-е гг. Участие Кихано в этой дискуссии, включая рассмотрение вопросов городского планирования и рабочей силы, достигло кульминации три десятилетия спустя, когда он сформулировал глобальное видение Латинской Америки, разработав концепцию колониальности (колониального характера) власти.

Кихано также внёс большой вклад в объяснение вопросов латиноамериканской идентичности. Он разрабатывал концепцию процесса *cholificación*¹ в начале 1970-х в Перу, способствовал возрождению наследия великого марксистского латиноамериканского критического мыслителя 1930-х гг. Хосе Карлоса Мариатеги. Трудно переоценить его искреннее сочувствие борьбе коренных народов и продвижение концепции *buen vivir*², в настоящее время поддерживаемой различными этническими движениями.

Вклад Кихано в анализ проблем идентичности основан на концепции расы. С его точки зрения, эта концепция формируется в контексте европейской колонизации той части глобального мира, которую принято называть Латинской Америкой, и становится главным элементом описания социальной иерархии, доминирующей в регионе. Идентичность выстраивается на основе феномена расы, поэтому представляет собой доминирование. Наряду с идеей зависимости, концепция расы должна

была стать ключевой в конструировании колониальности власти. Кихано утверждает, что колониальный характер (колониальность) власти подразумевает как внешнее господство империи над колонией или неокolonией, так и внутреннее господство правящей элиты над обществом, основанное на принципе различий по признаку расовой принадлежности. Таким образом, колониальность власти становится главной проблемой при формировании подлинно национальных и многонациональных государств Латинской Америки.

Очевидно, что теоретическое наследие Анибалы Кихано и его методологическая позиция в рамках традиции автономной социальной мысли Латинской Америки сделали его знаковой фигурой в социологии Перу и в стране в целом. ■

¹ *Cholificación* — процесс, при котором определённый слой коренного крестьянского населения отказывается от некоторых элементов своей культуры и принимает определённые элементы, типичные для западной креольской культуры. Таким образом создаётся образ жизни, отличный от двух основных культур Латинской Америки, но в то же время сохраняющий связи с исходными культурами (*Marginal Urbanisms: Informal and Formal Development in Cities of Latin America*. Ed. F. Hernandez, A. Becerra. 2017: 87).

² *Buen vivir* («жизненное благополучие») — понятие, фигурирующее в картине мира индейского народа кечуа, проживающего в ряде стран Латинской Америки, и обозначающее образ жизни, ориентированный на сообщество, экологически безопасный и учитывающий культурные различия. Этот принцип стал основой философии, альтернативной философии прогресса и безудержного потребления. Концепция *buen vivir* была включена в Конституции Эквадора и Боливии.

Адрес для связи: Николас Линч
<nicolaslynch54@gmail.com>

> Радость бойца

Ракель Соса Элизага, Национальный независимый университет Мексики, Мексика

Герой множества сражений, Анибал Кихано, был крайне удивлен, когда Университет Коста-Рики наградил его титулом Почетного доктора наук, *honoris causa*. Он был потрясен, когда переполненная аудитория встретила его стоя и овацией. Он тепло поблагодарил власти и научное сообщество «за то, что они познакомились с его трудами» и подчеркнул свою особую благодарность за то, что таким образом получил признание образ жизни, «который придает смысл тому, что человек пишет и думает». Он открыто озвучил публике свой девиз: «Живи в мире и борись против него изнутри» (*Live within and against*). А затем добавил «Нет другого способа существования в мире, в котором сосуществуют власть, эксплуатация и насилие».

Я познакомилась с Анибалом Кихано много лет назад, когда он приехал в Мексику в середине 1970-х годов как высланный из собственной страны. Он был антиимпериалистом по образу мыслей и действий, и он был уверен, что социальное знание должно быть основано на требованиях и задачах борьбы за освобождение женщин, молодежи, коренных народов, перемещённых групп и беженцев во всем мире. Следование этим принципам сделало его путешественником, и он получил признание в таких местах, где редко ступает нога учёного.

“Его девиз: живи в мире и борись против него изнутри”

Длинная история неповиновения режиму заставила его отказаться от кафедры в Университете Сан-Маркоса в Перу, куда он возвратился после многолетней ссылки. Это произошло, когда диктатор Фуджимори приказал военным захватить университет. После этого Кихано нашёл убежище в Университете Бингхэмптона и в Париже, а также в других местах. Лишь в начале 2010-х годов Университет Рикардо Алмы в Перу предложил позицию, которую он занимал до конца жизни. Всю свою жизнь он организовывал события, которые были научными, политическими и образовательными одновременно и постоянно обращался к людям, демонстрируя солидарность с их мыслями и идеями. Он писал свои работы в соавторстве со многими интеллектуалами и учеными, участвовавшими в мировом социальном форуме такими, как Иммануил Валлерстайн Пабло Гонсалес Казанова, которые были его близкими друзьями.

Идеи Кихано о колониальном характере власти снискали ему признание во всем мире. Такое видение власти, порождённое политической и научной борьбой, сохраняет нравственный призыв. Оно требует, чтобы люди перестали быть простыми поданными местной или

иностранный власти и чтобы их чувство собственного достоинства выросло. Такое видение призывает к созданию знания, которое станет инструментом поиска путей трансформации, механизмом преобразования к лучшему жизни депривированных, исключённых и брошенных на произвол судьбы.

Как и его предшественники — Эйме Чезаре, Франц Фэнон и в особенности Хосе Карлос Мариатеги — Анибал Кихано основывал свои рассуждения на изучении исторических трансформаций, начиная с XVI века, анализируя, как расизм и рабство постепенно конвертировались в движущие экономические силы капиталистического развития. Выявление и истолкование механизмов этого цикла подавления и отчуждения, который не завершился до сегодняшнего дня, было постоянной темой его жизни и творчества. Равнодушный к модным академическим трендам, умея психологически противостоять периодам изоляции и непонимания, политическим преследованиям и личным депривациям, он полностью отдавался радости борьбы. Он был счастлив тем, что боролся во имя великой цели! Мы не забудем его целеустремленности и преданности своему делу! ■

> Основные черты бедности в ЮАР после апартеида

Джошуа Бадлендер, Университет штата Массачусетс в Амхерсте, США

Фредерик Виллем де Клерк и Нельсон Мандела на Мировом экономическом форуме в Давосе.
Авторские права: World Economic Forum.

Общеизвестно, что, несмотря на достижение чернокожим большинством Южной Африки политических свобод после свержения режима апартеида в 1994 году, основные экономические свободы остаются нереализованными. Однако это положение часто формулируется либо в общих терминах, либо в контексте специального изучения конкретных явлений. В настоящей статье я свожу воедино обширные данные для того, чтобы установить, что изменилось, а что осталось неизменным в Южной Африке в отношении широко распространенной материальной бедности.

> Масштабы бедности в Южной Африке после падения апартеида

Первый и основополагающий тезис, который необходимо сформулировать, заключается в том, что доля южноафриканского населения, относимого к категории «с низким уровнем дохода», практически не изменилась в период после апартеида. Конкретные показатели зависят от измерения черты бедности, но обычно «бедными» считаются от 50% до 65% населения, причем эти показатели лишь незначительно улучшились с 1994 года. Бедность по-прежнему жёстко связана с расовой принадлежностью. Как

показывают итоги переписи населения, 73% чернокожих африканцев, 48% метисов, 12% индейцев/азиатов и 2% белых находятся за недавно установленной чертой бедности.

Незначительное сокращение масштабов бедности происходит в основном благодаря массивному охвату граждан правительствами «социальными грантами» — ежемесячными универсальными денежными выплатами, предназначенными для определённых категорий бедных. Для беднейших 40% домохозяйств в Южной Африке социальные пособия в настоящее время обычно составляют более половины общего дохода домохозяйства.

Другое заметное улучшение материальных условий после падения апартеида касается немонетарных аспектов материальной депривации. Обширные государственные программы значительно увеличивают возможности доступа людей к водопроводу, электричеству и школьному обучению, в то время как недоедание и смертность заметно снижаются. Улучшение обеспечения в этих сферах особенно очевидно на фоне крайней степени депривации в период апартеида, но существенные успехи неоспоримы, особенно в сельских районах.

>>

Тем не менее, несмотря на материальные улучшения, глубокая нищета остается широко распространенной в сельской местности, особенно в тех регионах, которые обозначались как «исконные земли» (*homelands*) в эпоху апартеида. Сравнительные исследования уровня бедности в разных регионах ЮАР показывают, что индексы депривации выше на территориях, относимых прежде к «исконным землям». Эти данные демонстрируют устойчивость наследия апартеида на протяжении более двух десятилетий, когда эти области были снова официально включены в Южную Африку.

Бедность, однако, не является проблемой исключительно сельского населения. Домохозяйства городских районов имеют немного больше шансов выйти из бедности, чем жители села. Тем не менее, и они сталкиваются с серьезными структурными барьерами. Государственное планирование эпохи апартеида вынудило городских чернокожих рабочих и их семьи переместиться на удаленные городские периферии, находящиеся далеко от рабочих мест и хорошо развитой городской инфраструктуры. После падения апартеида эта модель бедности только ещё больше укрепляется. Это связано с тем, что защита прав частной собственности и государственная жилищная политика приводит к строительству жилья, субсидируемого государством, на дешёвой земле городской периферии. Ситуация усугубляется плохо организованной транспортной системой, из-за которой южноафриканские рабочие вынуждены тратить много времени на поездки на работу и оплачивать высокую стоимость проезда. Это приводит к фактическому сбору «транспортного налога» в размере до 40% заработной платы рабочих. «Города апартеида» также, похоже, не предоставляют возможности жителям городской периферии найти работу по месту жительства.

> Слишком мало рабочих мест и слишком низкая заработная плата

Именно дисфункциональный рынок труда Южной Африки является основной причиной сохранения бедности после падения апартеида. Высокий уровень безработицы привлекает внимание СМИ и политиков. Согласно «узкому» мировому определению безработицы, её уровень в Южной Африке, как правило, колеблется между 25% и 30%. Согласно «широкому» определению, которое более актуально для южноафриканского контекста, уровень безработицы составляет около 40%.

Массовая безработица в таком масштабе, очевидно, не является преувеличением. Однако она часто отвлекает на себя внимание от другой проблемы — очень низкой заработной платы, преобладающей в Южной Африке. Среди южноафриканских домохозяйств, в которых есть кормилец в семье, половина находится ниже недавно рассчитанной черты бедности для ЮАР (88% домохозяйств без кормильца также находятся за чертой бедности). В то время как заработная плата увеличилась в верхней части шкалы распределения доходов, медианная заработная плата остаётся прежней в реальном выражении с 1994 года. Этнографические данные всё чаще показывают, что южноафриканские рабочие уходят с работы, потому что заработная плата слишком низка для того, чтобы компенсировать материальные и психологические издержки. Высокие затраты на дорогу и неуважительное отношение выталкивают людей с рабочих мест, и они становятся безработными.

Каковы же причины высокого уровня безработицы и низкой заработной платы? Излюбленным объяснением является низкое качество квалифицированного образования. Согласно этой теории, Южная Африка переживает эффекты «несоответствия квалификации», при котором работодатели все чаще нуждаются в высококвалифицированных рабочих, но базовая система образования нефункциональна в отношении подготовки таких работников. Действительно, следует признать, что, несмотря на резкое увеличение числа учащихся, система образования в Южной Африке находится в состоянии глубокого кризиса. Например, восемь из каждых десяти учеников 4-го класса не понимают смысла прочитанного. Однако одно только образование не может объяснить причины происходящего.

Реальная проблема заключается в том, что частный сектор демонстрирует дефицитный спрос на рабочую силу. Падение апартеида и провал контроля над потоками миграции в конце 1980-х – начале 1990-х годов привели к резкому росту предложения рабочей силы, поскольку чёрные южноафриканцы, ранее привязанные к «исконным землям», наконец, могли искать лучшей жизни в городах. Спрос на рабочую силу в этот период не соответствовал росту предложения, что привело к структурной безработице, которая сохраняется по сей день. В то время как представители бизнеса часто жалуются, что обременительное регулирование делает найм частных работников рискованным, административные данные показывают, что южноафриканский частный сектор характеризуется исключительно высокой оживлённостью. В то же время дефицитный спрос на рабочую силу также может быть связан с низким уровнем инвестиций в частный сектор. Расширение бизнеса во время позднего апартеида происходило в большей степени за счёт приобретения, а не за счёт производственных инвестиций. Эти практики в настоящее время вытесняются корпоративным разукрупнением, большими выплатами акционерам и перемещением капитала за рубеж. При этом сохраняется отсутствие интереса к инвестициям в отечественное производство.

> Прекаризация и динамическая бедность

С 1994 года Южная Африка следует за глобальными тенденциями аутсорсинга и «брокерской деятельности» в трудовой сфере, что имеет своим следствием преобладание прекарных форм занятости. Динамический анализ бедности в Южной Африке показывает, что 40% домохозяйств, не относящиеся к бедным, являются «прекарными» (уязвимыми) — они сталкиваются с серьезными рисками стать бедными в будущем — тогда как 80% домохозяйств, относящихся к бедным, классифицируются как «хронически бедные» из-за малых перспектив выхода из этого состояния.

Общеизвестное утверждение, что экономическая свобода в Южной Африке остается нереализованной, подтверждается реальностью. Тем не менее, вопрос заключается в том, в какой степени решение проблемы бедности требует коренной перестройки экономики апартеида, которая по-прежнему остаётся с нами. Не вызывает сомнения, что дальнейшее расширение социальных субсидий и удовлетворение базовых потребностей населения являются прогрессивными мерами. Однако именно южноафриканский рынок труда является основой дисфункций в экономике, и именно в этой сфере должны быть приняты меры для того, чтобы преодолеть последствия апартеида. ■

Адрес для связи: Джошуа Бадлендер <jbudlender@umass.edu>

> Посткризисное благосостояние

Новые ландшафты бедности в Греции

Василис Арапоглу, Критский университет, Греция

Пустые дома свидетельствуют о бедности. Бедность приводит к тому, что люди ночуют на улицах.

Фото: Василис Арапоглу.

После восьми лет жёсткой экономии греческое правительство ожидало посткризисного периода и продвигало «Стратегию будущего роста» — план действий, который был согласован с Еврогруппой, Европейской комиссией и Международным валютным фондом. Разработка Стратегии сопровождалась обсуждениями расширенных форм фискального надзора после выхода Греции из программ финансовой помощи. В плане подчёркивается ответственность Греции за реализацию реформ и попытки включить в повестку приоритеты «справедливого и всеобъемлющего роста».

В настоящей статье я рассматриваю шансы данной Стратегии на успех, анализирую ее в более широком пространственно-временном контексте и сопоставляю с результатами моих недавних исследований бедности в греческих городах. Посткризисный дискурс может рассматриваться как движение по направлению к «поствелферу» (*post-welfare*) — стратегии децентрали-

зации социальных услуг, развивающейся с разной скоростью во многих странах мира и принятой Европейской комиссией с тем, чтобы смягчить дерегулирование рынка труда и сокращение социальных пособий. Поствелфер подразумевает перестройку взаимоотношений государства, рынка и гражданского общества в целях формирования системы социальной защиты и программ социальной интеграции. Децентрализация ответственности за социальную политику создаёт политическую арену для конкурирующих стратегий. С одной стороны, неолиберальная стратегия поствелфера направлена на превращение местных и добровольных организаций в инвесторов человеческого капитала и ответственных потребителей социальных услуг. С другой стороны, прогрессивные элементы этой политики нацелены на то, чтобы противостоять централизованному проекту подчинения социального государства и гражданского общества правилам рынка. Правозащитные объединения нацелены на интеграцию знаний и требований низовых инициатив, позволяя им получать доступ к региональным ресурсам и

>>

финансированию для развития своей деятельности в новых областях, таких как здравоохранение и социальное обеспечение, жилищная сфера, цифровая экономика и городская экология.

В Греции первые два антикризисных соглашения представляли собой попытку обесценить рабочую силу и ресурсы трудящихся. Резкое ухудшение условий жизни, которое началось в 2010 году, приостановилось в последние два года, но эта ситуация не может быть полностью устранена ввиду особенностей современного европейского капитализма. Уровень бедности в 2016 году, рассчитанный по стандартам 2008 года, близок к 50%. Это означает, что фактически половина населения Греции живёт в бедности. Но даже если применить стандарты дохода настоящего времени, то почти половина населения в возрасте до 25 лет либо переживает тяжёлую депривацию и живёт в бедности, либо не имеет работы. Высокого уровня достигла частичная занятость: каждый четвёртый работник моложе 25 лет работает неполный день, а каждый пятый попадает в категорию работающих бедных. Таким образом, Греция выходит из программы финансовой помощи с возросшим социальным неравенством, а почти половину её молодого населения можно отнести к категории бедных или уязвимых. Новая бедность больше всего затронула молодёжь, мигрантов и городских жителей.

Результаты недавних исследований представлены в книге *Contested Landscapes of Poverty and Homelessness in Southern Europe: Reflections from Athens* [Соперяющиеся ландшафты бедности и бездомности в Южной Европе: заметки из Афин] (2017), которую я написал совместно с Костасом Гунисом. В региональной политике по борьбе с бедностью преобладают временные меры. Главная роль в децентрализации социальных услуг отводится внедрению модели «социального солидарного дохода», но материальная помощь недостаточна и ограничивается жесткими мерами стимулирования трудовой деятельности. Исчерпав свои ресурсы, муниципальные и общественные организации были вынуждены пересмотреть принципы социальной интеграции таким образом, чтобы привлечь частное финансирование. Необходимо подчеркнуть, что программы финансовой помощи не только вытеснили формы социальной помощи, не соответствующие ситуации, но также сформировали специфическую траекторию приватизации государственных услуг и создания благоприятных условий для благотворительности.

Самое печальное открытие проведенного исследования заключается в том, что мы увидели довольно искусственное разделение на «новых бедных» и маргинализированных лиц. Это важно, поскольку с «новыми бедными» может идентифицировать себя фактически любой представитель среднего класса (поскольку средний класс находится в общей зоне риска депривации). К категории маргинальных относят наркозависимых, психически больных, нелегальных мигрантов и перемещающихся граждан. Ошибка локальной политики в этом отношении заключалась не только в неспособности властей справиться с материальной депривацией, но и в конструировании символического разделения обездоленных, позволяющего властям избежать чувства вины и страха.

Плюрализм в рамках гражданского общества, напротив, позволяет проблематизировать рыночную логику и прежние методы борьбы с бедностью. Возлагаются надежды на более или менее организованные попытки удовлетворить потребности тех, кто не вписывается в административные категории. Неофициальная поддержка является защитой против углубляющейся маргинальности, а местные инициативы проявления солидарности поддерживают беженцев в греческих городах, несмотря на амбивалентную европейскую иммиграционную политику.

Тем не менее, «спонтанность» или «добрая воля» не являются адекватной основой для социальных реформ, особенно когда инициативы на низовом уровне сталкиваются с подозрением со стороны Европейского союза или могут реализовываться в крайне жёстких бюрократических условиях. Нельзя забывать о том, что потребовалось много усилий и времени для накопления знаний в тех областях, где гражданское общество является исторически активным, где сотрудничают между собой общественные организации, профессиональные ассоциации, сквоттеры и инициативы на низовом уровне, и где устанавливаются связи локальных акторов с международными правозащитными организациями или движениями. Тем не менее, большая часть этого потенциала остается неисследованной. Авторитарная и патерналистская ментальность всё ещё воспроизводятся в правящих партиях, ориентированных на использование общественных объединений в качестве расширения государственной сферы, обесценивание социальной экспертизы и замалчивание несогласных голосов.

Греческая «Стратегия справедливого и всеобщего роста» может рассматриваться, как попытка смягчить фрагментацию политики и достичь компромисса с европейскими институтами в контексте будущего поствельфера. Гражданские организации критикуют формулировку Стратегии и соглашения с Европейской Комиссией за отсутствие прозрачности механизмов социальной помощи. В Стратегии не указаны конкретные цели по сокращению масштабов бедности, и одновременно в качестве приоритета выдвигается адресная помощь, без оценки социальных последствий нынешнего низкого уровня поддержки. Точно так же заявленные приоритеты «экономической и социальной интеграции молодежи» и «социально ориентированной экономики» не подкрепляются конкретными мерами. Поразительно, что острая проблема интеграции беженцев и мигрантов почти не упоминается в этом документе. В Стратегии определены ключевые вопросы соглашений с Еврокомиссией, в первую очередь восстановление коллективных трудовых договоров и минимальной заработной платы — проблемы, вызывающие озабоченность активистов рабочего движения. Тем не менее, будет достаточно сложно изменить основное антирабочее законодательство и налогообложение низкодоходных групп и молодых самозанятых, а также отложить сокращение пенсий, которые уже согласованы с кредиторами. Учитывая такие неблагоприятные условия, борьба на локальном уровне за предоставление политических и экономических прав гражданскому обществу является единственной основой для оптимизма. ■

Адрес для связи: Василис Арапоглу <arapov@uoc.gr>

> Почему в Латинской Америке среди бедных преобладают женщины?

Хулиана Мартинес Франсони, Университет Коста-Рики, член ИК МСА по бедности, социальному благосостоянию и социальной политике (RC19)

Несмотря на экономический рост, предвыборную конкуренцию и левый политический уклон, уровень женской бедности вырос со 114 до 127 на каждые 100 мужчин (см. илл. 1). Чем объяснить эту ситуацию?

Источник: собственная разработка на основе данных ECLAC, CEPALSTAT, 2018

> Контекст

Ситуация в Латинской Америке становится понятной в контексте «левого политического поворота» или «розового прилива», который начался в 1998 году и продолжался до середины 2010-х гг. Электоральная борьба обеспечила прогрессивным политическим платформам широкое влияние и привлекла внимание к необходимости проведения последовательной политики в сфере труда и социального обеспечения.

Политический сдвиг влево был результатом разочарования граждан, вызванного пустыми обещаниями прежних консервативных правительств. Это разочарование совпало с экономическим бумом. Тем не менее, различные левые партии и их лидеры выступили с требованиями перемен, которые касались конкретных условий их жизни. К 2000 году в целом по региону социальные показатели улучшились, публичная политика достигла значимых результатов.

> Действия государства

Экономическая политика, реализуемая в процессе «розового прилива», повлекла за собой реформы на

рынке труда, повысившие реальную минимальную заработную плату, и способствующие формализации занятости. Доля расходов на социальную сферу увеличилась в общем государственном бюджете, поднявшись с 49% в 2000 году до 58% в 2014 году. По данным Экономической комиссии Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) в пересчете на душу населения социальные расходы в бюджете увеличились с \$687 в 2000 году до \$1619 в 2014. Несмотря на то, что масштабы роста расходов на социальную сферу варьировались в разных странах, эта тенденция наблюдалась во всем регионе и проявлялась как в новых, так и в реформированных старых программах регулирования занятости.

Рост расходов на социальную сферу способствовал обеспечению доступа женщин к государственным ресурсам через механизмы трансферов и сервисов. Значительное количество мер государственной поддержки по всей Латинской Америке были ориентированы на женщин и матерей. Благодаря реформам социальной политики увеличилось число женщин, получающих собственный доход благодаря денежным трансферам по нужде (Conditional Cash Transfers) и пенсиям. Государственная поддержка повысила доступ женщин как самостоятельных благополучателей к пособиям по старости. Кроме того, увеличилась продолжительность и обеспечение декретного отпуска, и постепенно началась реорганизация внесемейной заботы о детях и неоплачиваемой женской работы по уходу за детьми. С ростом участия женщин на рынке труда их жизнь претерпела существенные изменения.

> Рынки труда и государственная интеграция

В течение 2000-х гг. рост совокупного участия женщин на рынке труда замедлился из-за достижения предельного уровня занятости женщин с профессиональным образованием: в возрасте от 24 до 59 лет они составляли почти 90% от общего числа работающих женщин. Дальнейший рост женской занятости привел бы к вовлечению в сферу оплачиваемого труда менее образованных женщин, которые, однако, сталкиваются со структурными ограничениями участия в рынке занятости. Общая картина изменений затронула далеко не всех женщин; среди них также обнаружилось неравенство доходов, вызванное сегментацией занятости.

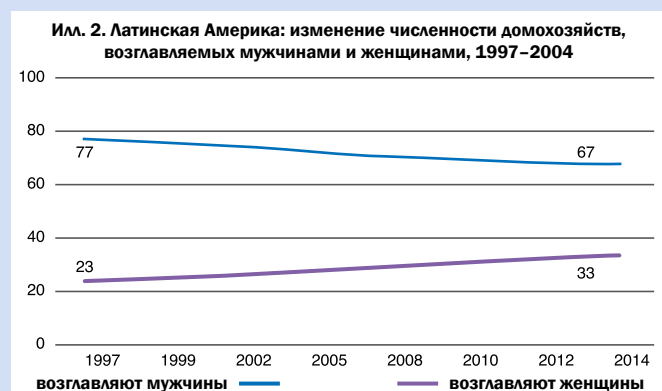
>>

К началу 2000-х гг. по разным причинам число занятых женщин с низкими и высокими доходами достигло своего предела и перестало расти. Среди наиболее серьезных препятствий, ограничивающих рост женской занятости, относятся разделение труда по признаку пола, ранняя и высокая фертильность, ограниченный доступ к государственным услугам или приобретению услуг по уходу на частном рынке. Сохраняющееся разделение труда по признаку пола означает, что женщины с высшим образованием уже достигли схожих с мужчинами показателей участия на рынке труда посредством снижения рождаемости и откладывания деторождения, а также приобретения услуг по уходу на частном рынке.

> Трансформация структуры семьи

Латиноамериканские семьи прошли через глубокие трансформации, которые последовали за вторым демографическим переходом. Разнообразие форм супружеских отношений подразумевает более широкую вариативность условий образования семьи и её распада и более справедливое распределение прав и обязанностей между членами семьи. Число семей сократилось, показатели стабильности семейных отношений снизились, семьи стали более хрупкими.

В целом по региону происходит эрозия нуклеарной семьи, поскольку наблюдается упадок традиционного семейного уклада и становится больше семей с одним родителем, гражданских браков, однополых супружеских пар и иных форм отношений. Повышение уровня разводов является одним из показателей этих изменений. На иллюстрации 2 показано снижение доли домохозяйств с двумя родителями, возглавляемых мужчинами, и рост доли домохозяйств, возглавляемых женщинами. Семья как тип отношений содержит как кооперативный, так и конфликтный потенциал. Происходящие трансформации бросают вызов кооперативному аспекту семейных союзов, состоящих из взрослых, совместно воспитывающих детей и защищающих друг друга и своё потомство от социальных рисков, и выявляют наличие старых и новых конфликтов. Одним из последствий этих изменений является увеличение числа детей, не живущих вместе с отцами.

Источник: данные ЭКАК.

Трансформация семьи имеет значимые последствия для всего общества. Национальные отчёты показывают, что не менее 60% потребностей латиноамериканских детей и подростков обеспечиваются поступлениями из частных источников. Экономическая поддержка и забота о детях лежат на плечах матерей, которые обычно осуществляют родительскую заботу. Женщины кормят, воспитывают детей, водят их на медосмотры и выполняют длинный список других задач по уходу за детьми. Это скрытое от глаз производство потребностей, работа по их удовлетворению и потреблению происходит внутри семьи. Оно обеспечивается домашним неоплачиваемым трудом женщин. Локальные исследования бюджетов времени показывают, что такая ситуация имеет место в разных семьях вне зависимости от их дохода, возраста супругов и структуры.

Положение женщин на рынке труда претерпело значимые изменения, в то время как мужчины практически не испытали перемен в сфере домашнего труда. Женщины продолжают выполнять в два и три раза больший объем неоплачиваемой работы по дому и уходу, чем мужчины. Более того, когда семьи распадаются, немногие дети остаются с отцами. Такое устойчивое неравное распределение домашнего труда имеет негативные последствия для доступа женщин к ресурсам занятости. Бремя домашней работы сдерживает участие женщин на рынке труда (например, сокращает часы оплачиваемой занятости) и поддерживает профессиональную сегрегацию, которая способствует удовлетворению потребностей семьи. Разница в доходах ограничивает возможности женщин частично делегировать домашнюю работу оплачиваемым помощницам (тоже женщинам). Это основная черта режима неравной заботы в Латинской Америке.

> Последствия

Трансформация структуры семьи, большее количество отцов, отказывающихся от выполнения своей роли вне супружеских отношений, и маргинальное положение государства в материальном обеспечении детей сформировали потребность в адаптации государственных законов и политики к изменившимся обстоятельствам. Государства сталкиваются с проблемой разработки социальной политики, способной удовлетворить потребности растущего числа разведенных семей, домохозяйств с одним родителем (преимущественно с матерью), семей с двумя родителями, однополых партнеров и большего числа детей и женщин, уязвимых перед лицом бедности. Кроме того, правовая легитимация и признание равных прав для широкого разнообразия форм семейных отношений требуют принятия государственных мер, способных усилить кооперацию во всех типах семей, и противостоять бедности. Эти меры не должны ограничиваться денежными пособиями. В целом, такая задача стоит перед всеми политическими акторами, включая левые партии. ■

Адрес для связи: Хулиана Мартинес Франсони <juliana.martinez@ucr.ac.cr>

> «Благотворительная экономика»: в тени государства всеобщего благосостояния

Фабиан Кессль, Университет Дуйсбург-Эссен, Германия

В Германии миллионы людей пользуются благотворительными кухнями, магазинами, пунктами распределения еды и другими банками питания. Лицензия Creative Commons.

В декабре 2017 года Совет местного продовольственного банка (Tafel) в Эссене (Германия) решил ограничить доступ к банковским услугам для мигрантов, не имеющих немецкого паспорта, ссылаясь на прецедент нарушения правил молодым мужчиной мигрантом. Дифференциация доступа к продовольственному банку по этническому признаку обсуждается на международном уровне и подвергается критике за присущий такому подходу расизм. Случай в Эссене указывает на перемены, происходящие в социальной проблематике. Вместо того, чтобы сосредоточиться на различиях и отношениях между «верхом и низом» — в таком городе, как Эссен, где наблюдается сильная поляризация между богатыми и бедными, — в повестке дня появляется новое различие: «внутри и снаружи».

Оппозиция сейчас проводится между «нуждающимся и уязвимым немецким пенсионером» и «напористым молодым не-немцем». Даже в демократическом обществе такие изменения должны обсуждаться как среди общественности в целом, так и в научном сообществе. Тем не менее, в этой новой повестке дня остается не проблематизированным факт существования продовольственных банков в крупных европейских городах. Примечательно, что дискуссия лишь частично коснулась вопроса о том, почему люди в XXI веке ежедневно используют продовольственный банк в такой стране, как Германия, или в других европейских и североамериканских странах.

Доступная официальная статистика по продовольственной помощи в Германии формируется на основе внутренней статистики национальных ассоциаций, таких как Ассоциация немецких продовольственных банков (Tafel Deutschland E.V.). Ассоциация сообщила, что в ее состав в 2016 году входило 934 местных продовольственных банков. Если мы примем во внимание все остальные организации, которые обеспечивают «нуждающихся» товарами первой необходимости, мы обнаружим гораздо более широкую систему борьбы с бедностью по всей Европе и за её пределами. Только в Германии миллионы людей являются потребителями услуг бесплатных столовых, благотворительных магазинов одежды, пунктов распределения продуктов питания и других банков питания. Наше исследование показало, что в пяти из шестнадцати федеральных земель Германии существует около 5000–6000 организаций такого рода. Новая система борьбы с бедностью устанавливается с 1980-х годов (или раньше, как в США). Её можно назвать «новой благотворительной экономикой».

Термин «новая благотворительная экономика» описывает систему распределения, в которой товары первой необходимости распространяются бесплатно или продаются по сниженным ценам «бедным» или «нуждающимся».

ся» волонтерами или низкооплачиваемыми работниками. Эта система основывается на обеспечении товаров повседневного потребления за счёт одного из трех источников: (1) промышленное перепроизводство; (2) товары, которые больше не могут быть проданы из-за таких факторов, как нормы стандартизации и маркетинговые цели; и (3) товары, которые больше не нужны частным домохозяйствам.

«Новая благотворительная экономика» ориентирована на группы людей, у которых нет средств или ресурсов для участия в капиталистической системе распределения товаров. Однако новая экономика распространяется, прежде всего, товары первой необходимости для повседневной жизни. Таким образом, она оказывает влияние на формы поддержки, которые когда-то были исключительной прерогативой государства всеобщего благосостояния и его институтов (существующих в Европе или Северной Америке с середины XX века). В системе социальной защиты государства всеобщего благосостояния разрывы в уровне материального обеспечения, основанные на правовых притязаниях, смягчаются в основном за счёт денежных пособий и дополнительных социальных услуг. Однако «новая благотворительная экономика» включает в субсидии нуждающимся нефинансовые меры социальной поддержки, обязательное социальное страхование, снабжение продовольствием или пользование услугами, предоставляемыми структурами социального обеспечения. Иногда нефинансовые поддержки даже замещают монетарные. Доступ к поддержке основан не на правах определенной категории граждан, а на получении благотворительных пожертвований (подразумевающих лояльность). «Новая благотворительная экономика» превращает сокращение бедности в борьбу с бедностью, изменяя сам способ оказания поддержки: дарители и помощники действуют на основе сострадания, а не «солидарности с незнакомыми людьми» (Хауке Брунхорст). Именно временное внимание к несчастным другим, а не формальное право на поддержку, характеризует «новую благотворительную экономику».

Однако новая благотворительность — это не только система борьбы с бедностью на основе лояльности и сострадания — система, которую мы знаем исторически с первых дней индустриализации. «Новую благотворительную экономику» необходимо понимать как вторичную экономическую систему. Будучи тесно связанной с первичным рынком, благотворительная экономика облегчает передачу излишков товаров из первичной экономики во вторичную систему. Эта передача также несёт экономическую выгоду для тех, кто жертвует сырьевые товары, потому что они получают эквивалентную прибыль за свои пожертвования. Например, продовольственные дискаунтеры всё ещё могут получить прибыль от пожертвованных товаров, потому что: (а) это уменьшает издержки на их утилизацию и, возможно, позволяет сэкономить на налоговых сборах; (б) компании,

которые являются официальными жертвователями или спонсорами, могут принести пользу и улучшить свой публичный имидж, сделав пожертвования формой корпоративной социальной ответственности (КСО).

Таким образом, «новая благотворительная экономика» демонстрирует существование обширной и увеличивающейся тени государства всеобщего благосостояния. Вопреки общественному имиджу, продовольственные банки, бесплатные столовые, благотворительные магазины одежды и т. д. не являются исключительно добровольными инициативами гражданского общества. Наше исследование показывает, что в Германии 90% организаций в области «новой благотворительной экономики» предоставляют как материальную помощь, так и широкий спектр социальных услуг. Таким образом, мы видим их взаимосвязь с формальным государством всеобщего благосостояния. Эта взаимосвязь становится очевидной также исходя из финансирования благотворительной экономики: оно часто представляет собой сочетание пожертвований, спонсорства, государственных средств, членских взносов, внутренних доходов и/или платы за услуги. Кроме того, те, кто оказывает помощь, основанную на пожертвованиях, часто проверяют материальное положение обратившихся, применяя правовые нормы социального государства. Другими словами, ещё одним аспектом взаимосвязи «новой благотворительной экономики» с системами социального обеспечения государства всеобщего благосостояния является оценка ситуации, в которой находится человек, с точки зрения системы государственного управления. Эта взаимосвязь также обнаруживается в косвенном сотрудничестве между государственными социальными учреждениями, органами опеки и попечительства и службами «новой благотворительной экономики». Например, сотрудники центров занятости и агентств по трудоустройству могут указать нуждающимся лицам, подающим заявки на получение государственных пособий, на такие ресурсы, как пункты распределения продовольствия. Таким образом, устанавливаются новые отношения субсидиарности, в которых предполагается, что помощь меньшей организации будет предшествовать поддержке со стороны более крупной организации. Сотрудники государственного управления понимают услуги «новой благотворительной экономики» как дополнение фактических государственных социальных пособий или даже замену последних, хотя эта взаимосвязь не зафиксирована в социальном праве.

«Новая благотворительная экономика» может служить ярким примером нового разделения труда между тремя секторами — гражданским обществом, экономикой и государством, где их границы и логика деятельности размываются. Таким образом, мы находимся на пути к коренному изменению традиционных форм поддержки нуждающихся людей. ■

Адрес для связи: Фабиан Кессль <fabian.kessl@uni-due.de>

> Дискурс продовольственной безопасности: вызовы XXI века

Мустафа Коч, Университет Райерсона, Канада, член ИК МСА по социологии миграции (RC31) и сельскому хозяйству и продовольствию (RC40)

Дискурс продовольственной безопасности сформировался во время глобального финансового кризиса в середине 1970-х гг. в качестве международного приоритета. В нём была сформирована основная цель — решение проблемы всеобщей доступности продовольствия. Одно из самых распространенных определений продовольственной безопасности было предложено Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (*Food and Agricultural Organization*, далее ФАО) на Международном продовольственном саммите в 1996 году. Следуя данному определению, продовольственная безопасность «существует, когда все люди в любое время имеют физический, социальный и экономический доступ к достаточному количеству безопасной и питательной пищи, которая удовлетворяет их диетические потребности и предпочтения для ведения активной и здоровой жизни».

Несмотря на широкое признание таких международных организаций, как ФАО, продовольственная безопасность

представляет собой сложную концепцию с множественными определениями и различными приоритетами, которые продолжают изменяться с течением времени. Концептуальная неоднородность дискурса продовольственной безопасности отражает конкурирующие представления о том, как доступ к пище должен обеспечиваться в рыночных экономиках. В то же время дискурсивное разнообразие свидетельствует об изменениях в конкретных способах организации продовольственной системы, то есть политиках и практиках, которые определяют условия продовольственного обеспечения во второй половине двадцатого века.

С 1980-х гг. концептуализация продовольственной безопасности пересматривается в условиях рыночного либерализма, интенсификации глобальных экономических отношений и реструктурирования экономики и государства. Неолиберальная политика, которая была призвана разрешить финансовый кризис 1970-х гг., привела к сокращению расходов на социальные программы и трансформации условий труда, уменьшению роли государства в экономике, дерегулированию, приватизации и либерализации торговли. Эти меры привели к снижению количества профсоюзных рабочих мест в промышленности, росту нестабильной и временной занятости, в основном, в неформальном секторе экономики и в сфере услуг. Сокращение социальных программ привело к повышению уровня бедности и продовольственной уязвимости.

Неолиберальный дискурс продовольственной безопасности подразумевал переход от риторики более раннего периода, основанной на правах человека, к рыночно-ориентированной, которая рассматривала пищу как товар, а продовольственную уязвимость как личную проблему, а не изъян агропродовольственной системы. В документе Всемирного банка 1993 г. этот сдвиг был чётко отражен: «На практике, тем не менее, еда — это товар». Поскольку социальные функции государства всеобщего благосостояния сократились, а национальные социальные программы были спущены на уровень региональных и местных властей, функции социальной помощи и ухода всё больше перемещались в сферу компетенции организаций гражданского общества (НКО) и семьи. Филантропические организации, такие, например, как банки продовольствия, начали запол-

нять лакуну, оставшуюся после сворачивания государственных социальных программ.

Возникнув в США в 1967 году, банки продовольствия как организации не обладали финансовой прозрачностью и политической подотчётностью в отличие от учреждений социального обеспечения. И всё же они начали распространяться по всему миру как важный механизм обеспечения социальной безопасности с тем, чтобы снабдить «избытками питания» «избыточное население».

В рыночной экономике потребительские продукты, которые не были проданы на рынке до истечения срока реализации, становятся излишками. Перераспределение избыточного продовольствия предлагается в качестве решения проблемы продовольственных отходов и продовольственной бедности. Однако это, казалось бы, благородное намерение, как бы то ни было, не принимает во внимание сокращение роли государства в социальной поддержке и маркетинговые императивы агропродовольственных компаний на фоне роста продовольственной уязвимости. При этом следует признать, что до 40% продуктов питания, производимых для потребителя, приходит в негодность или исчезает между полем и столом потребителя. Сокращение таких издержек позволило бы накормить всех, кто переживает нехватку продуктов питания. Однако причины нехватки продовольствия кроются не в недостатке еды, а в неравенстве доступа к ней. В настоящее время большая часть мировых зерновых и масличных культур используется не в качестве продуктов питания, а в виде животноводческих кормов, биотоплива и промышленных продуктов, таких как кукурузный сироп с высоким содержанием фруктозы. Следовательно, сокращение потерь и отходов продовольствия требует критического переосмысления того, каким образом извлечение прибыли в агропродовольственной системе и субсидии в определенных секторах одновременно создают огромные излишки продовольствия и приводят к тому, что большое число людей, страдает от голода.

> Прогресс не был универсальным

На Всемирном продовольственном саммите в 1996 году было принято обязательство к 2015 году наполовину сократить число людей, страдающих от нехватки питания. Тогда количество таких людей оценивалось в 799 млн. В 2009 году их число выросло до 1,023 млрд. ФАО отреагировала на это повышение изменением подхода к проблеме в 2012 году. Однако, даже учитывая новый подход, количество недоедающих могло быть сокращено только до 815 млн к 2015 году. Более того, в Африке и на Ближнем Востоке количество людей, испытывающих нехватку еды, увеличивается из-за войн и вооружённых конфликтов. В последние десятилетия вооружённые конфликты в разных частях мира порождают уязвимость миллионов людей в отношении нехватки питания. По оценкам ФАО в 2017 году около 60% из 815 миллионов людей в мире, хронически страдающих от нехватки продовольствия и недоедания, живут в странах, затронутых конфликтами. Около 75% детей, страдающих задержкой роста в результате истощения, живут в странах, охваченных войнами. Уничтожение национальных экономик, инфраструктуры и главных государственных институтов в результате войны приводит к тому, что миллионы людей становятся беженцами. В то же время попытки сдерживать миграцию населения в рамках соответствующих регионов превращают соседние страны в лагерь беженцев. 6 млн аф-

ганских беженцев в Пакистане и Иране, 5,6 млн сирийцев в Турции, Иордании, Ливане, Ираке и Египте — яркие примеры недавних массовых миграций населения. Беженцы не только страдают от истощения, долгосрочной и хронической нехватки еды, они также становятся источником продовольственной уязвимости и политической нестабильности в принимающих странах.

> Будущие угрозы продовольственной безопасности

К 2050 г. население мира достигнет 9 миллиардов человек. Поскольку развивающиеся страны перенимают расточительные схемы потребления более богатых стран, а вооружённые конфликты по всему миру создают новые волны беженцев, уровень продовольственной уязвимости может усилиться. До сих пор мы рассчитываем на научные открытия в сфере роста производственного потенциала и улучшение доступа к продовольствию уязвимых групп населения. Попытки увеличить производственные мощности с помощью методов промышленного земледелия привели к росту концентрации собственности в руках более эффективных фермеров и подтолкнули миллионы крестьян и мелких фермеров к миграции в города. Более широкое использование агрохимических удобрений также стало причиной серьёзных экологических проблем, таких, как деградация почв, загрязнение воздуха и воды, утрата биоразнообразия. Доля отходов сельского хозяйства в выбросах парниковых газов составляет приблизительно 13%. Возрастающее влияние изменения климата представляет ещё одну угрозу мировому производственному потенциалу. Одновременно с поиском новых политических стратегий для обеспечения продовольствием и сокращения потерь и отходов, нам также, вероятно, необходимо пересмотреть представления о рационах питания, схемах потребления и организации агропродовольственной системы, которые преобладали на протяжении прошлого столетия.

Формирующееся движение продовольственного суверенитета объединяет фермеров, рабочих и обычных потребителей пищи, стремящихся разработать альтернативную продовольственную систему. В то время как концепция продовольственного суверенитета разделяет некоторые идеи более ранних дискурсов продовольственной безопасности, акцентирующих роль государства в обеспечении продуктами питания в пределах национальных/региональных границ, она также подразумевает новую идею сопротивления глобализации. В отличие от неолиберальных интерпретаций продовольственной безопасности дискурс продовольственного суверенитета признаёт пищу как право человека; подчёркивает важность владения и контроля над землёй, водой и генетическими ресурсами местных/коренных народов; акцентирует стабильность и устойчивость вместо эффективности производственного процесса и отрицает использование продовольствия в качестве оружия. Так же, как концепция продовольственной безопасности, дискурс продовольственного суверенитета является динамичным и трансформирующимся ввиду изменения политических и экономических условий. В дальнейшем будет интересно проанализировать роль дискурса продовольственного суверенитета в реконструкции общественного восприятия приоритетов продовольственной системы и пересмотре продовольственной безопасности. ■

Адрес для связи: Мустафа Коч <mkoc@ryerson.ca>

> Глобальная современность

Суджата Пател, Индийский институт перспективных исследований, Индия, член правления ИК по истории социологии (RC08), член ИК городского и регионального развития (RC21), концептуальной и терминологической социологии (RC56) Международной социологической ассоциации

С конца 1990-х гг. термин «глобальная современность» широко используется в литературе, посвященной дискуссиям о происхождении и содержании теорий глобализирующегося мира. Сам термин включает в себя два понятия, глобализации и современности, которые в каждом случае осмысливаются по-новому.

Теории глобальной современности начали формироваться в рамках центральных социологических дебатов, которые проблематизировали актуальность классических теорий для объяснения современных трансформаций Глобального Севера. Постановка этого вопроса привела к ряду других, в частности, вопросу о том, могут ли теории модернизации 1950-х и 1960-х гг., построенные на основе положений классической социологии и следующие примеру Европейского опыта, быть столь же полезными для понимания других версий современности. Вскоре было признано, что модель модернизации в действительности является однородной и представляет европейский опыт как гегемонный. Таким образом, утверждалось, что институциональная организация и культурные характеристики европейской модернизации в Европе будут воспроизводиться повсеместно. Научное сообщество предположило, что необходима иная теоретическая перспектива, которая бы заменила теорию конвергенции в объяснении современности теорией, признающей региональные различия.

Принятие обозначенной позиции в мейнстримовой социологии открыло ящик Пандоры. Эта тема обсуждалась в таких различных теоретических подходах, как веберинский, марксистский, структуралистский и постструктуралистский, а также в концепциях, развивающихся за пределами Глобального Севера и обозначаемых как Индигенные и/или Южные теории. Появление этих новых и отличающихся новизной ракурсов рассмотрения современности расширило охват темы, конституируя её как отдельную область исследования и рефлексии. В настоящее время научная область, определяемая как исследование глобальной современности, включает широкий круг вопросов — онтологических, эпистемологических и методологических, рассматривая основные теории современности и вновь проблематизируя дисциплинарные основания социологии. В этой небольшой статье я рассмотрю три разные перспективы, которые сформировались в конце 1980-х и

начале 1990-х гг. — это теория множественных современностей, Индигенные и Южные теории, и подход деколонизма.

> Множество современностей

Существуют различные варианты теории множественных современностей, в развитие которых внесли вклад ряд исследователей. Термин был предложен Шмуэлем Эйзенштадтом, который во многом является архитектором этой теории, объединившей изучение современности с цивилизационными исследованиями. Тем не менее, в рамках данного подхода также работают авторы, избегающие характеристики современности в цивилизационных терминах. Общие теоретические основания данного подхода характеризуются следующими положениями. Во-первых, существует не одна, а множество современностей, т.е. современность не уникальна, а плюральна. Во-вторых, несмотря на то, что институциональные проявления современности могут быть схожими, её различия задаются определённой культурной средой каждого общества. В-третьих, для того, чтобы понять эти различия, необходимо пересмотреть классические социологические теории.

Сначала исследование множества современностей опиралось на европейские идеи и концептуальные основания и сформулировало историко-философские вопросы о внутренних европейских различиях организации опыта современности. Далее исследователи стали обсуждать возможность признания различия путей модернизации в глобальном масштабе. Во-вторых, исследователи стремятся выявить ключевые характеристики ядра современности в его соотношении с периферией. Эйзенштадт утверждает, что сердцевиной современности является субъектность индивида. Он описывает её как автономную, рациональную, креативную и свободную. В-третьих, если главной характеристикой субъектности является рациональность, то необходимо анализировать её вариативность в разных регионах мира. Эйзенштадт полагает, что рациональная субъектность индивида как ключевая характеристика современности порождается разными типами религий, характерных для осевых цивилизаций. Как бы то ни было, именно в рамках христианско-европейской осевой цивилизации сформировались основные черты современно-

“Необходимо заменить сложившиеся научные практики, так как они преобразуют субъект исследования в объект влияния”

сти, которые позже распространились на другие ареалы. Западная модель в иных контекстах не была усвоена в своей аутентичной форме. Её культурные характеристики были избирательно восприняты, реинтерпретированы и переформулированы таким образом, чтобы соответствовать особенностям принимающих цивилизационных матриц. Вследствие этого возникли новые характеристики, которые обусловили более поздние версии современности. Таким образом, во всем мире всегда будет наблюдаться сходство в центральных аспектах институционализации таких, как структуры занятости и промышленности или в образовании и формировании городов. В то же время будут воспроизводиться различия в развитии институциональной динамики и связанных с нею проблем, в процессе взаимодействия движущих сил и структурных условий.

Было высказано предположение о том, что теория множества современностей способствовала культурному повороту в современной социальной теории. Из вышесказанного следует, что материальные процессы нашли очень мало отражения в этой теории. Кроме того, хотя этот подход апеллирует к историчности, в нем не учитывается значение колониального опыта для организации современности, процесса эксплуатации, соотношения различных систем знаний, в особенности, в сфере социальных наук. Концептуальные перспективы, рассматриваемые далее, как раз охватывают эти вопросы.

> Индигенные и южные теории

Развитие индигенных теорий началось с гипотезы о том, что социальные науки нуждаются в автономии для формулировки эпистемологических проблем, характерных для своих регионов. Сторонники этого подхода соглашались с тезисом Рейвин Коннелл о том, что в основе формирования социальных наук лежит неравное распределение власти между метрополией и периферией. Такое неравенство в производстве знания приводит к универсализации северных теорий, их положений, перспектив и рассматриваемых проблем. В рамках Южных исследований есть два теоретических понятия, которые концептуализируют этот процесс. Первое — это понятие «экстравертности», которое Паулина Хунтондзи определяет как внешнюю ориентацию социальных наук. Второе — понятие «академической зависимости» Саида Фарида Алата, который считает, что западная система знаний навязывается остальному миру, оставаясь, таким образом, внеконтекстуальной и нерелевантной. В целом эти исследователи настаивают на необходимости формирования альтернативных социологий в рамках «местных» нарративов/культур.

В индигенной теории утверждается, что если социальные науки сложились на основе западных философских систем, то в рамках других культур и философских систем также возможно формирование соответствующих социальных

наук. Сторонники этой теории хотят сформировать свою собственную эпистемологию и тем самым нивелировать власть эпистемологических позиций Запада. Предполагается, что в рамках индигенной теории можно разработать принципы/закономерности, чувствительные к локальной истории и социальной жизни, и помочь выявить «альтернативные» пути создания социологии вне языка «универсальной социологии» как его обозначают в западной/северной науке.

В индигенных теоретических исследованиях можно выделить три направления. Представителем первого направления является нигерийский социолог Акиово Акинсола. Он утверждает, что основой социологии могут быть сказки, мифы и пословицы местного населения, а также «законы истинной африканской мудрости». Он и его коллеги разработали социологическую теорию, опираясь на поэзию племени йоруба из Нигерии. Они утверждают, что принципы построения поэзии йоруба свидетельствуют о том, что единицей социальной жизни является индивид. Индивид, «обладающий телесностью нуждается в обществе других индивидов», поэтому жизнь сообщества, основанная на общем благе, значима для существования каждого. Данная теоретическая перспектива подверглась критике ввиду различных методологических и эпистемологических проблем таких, как использование народной культуры для конструирования социологической теории, «правдивость» переводов и интерпретаций сказаний и мифов, а также проблематичности проверки теоретических положений научными методами.

Второе направление индигенной теории старается ответить на вопрос о возможности проверять новые теоретические положения научными методами. Авторы предполагают, что западная наука не должна восприниматься как единственная в мире. Настаивая на возможности автономной актуальной и критичной социальной науки, Саид Фарид Алата переосмысливает проблематику индигенного подхода и формулирует вопрос о том, могут ли конкретные культуры и их познавательные возможности стать источниками построения нового критического научного знания. Он утверждает, что локальные системы знания, такие, как ислам, например, обладают научным критическим потенциалом, который может использоваться для эмпирического исследования. Исследователь предполагает, что эти принципы могут быть применены как методология для формирования социологии. Алата ставит следующий вопрос: каким образом ислам может предоставить метафизическую и эпистемологическую основу для формирования новой области знания, не претендуя на создание исламской социологии или исламской физики? Такое вмешательство, по мнению исследователя, не привело бы к отказу от науки, от принципов критического исследовательского мышления, но, скорее, позволило бы расширить её сферу применения и включить новый

критический категориальный аппарат, принадлежащий не-западной культуре.

Третье направление индигенной теории развивается в работах Линды Тухивай Смит, которая также выступает с критикой западной науки. Она считает, что необходимо заменить сложившиеся научные практики, так как они преобразуют субъект исследования в объект влияния. Западная наука навязывает «истину» людям и странам, не интегрируя инсайдерские знания регионов. Смит выдвигает предложение о преобразовании научной методологии и настаивает на том, что наука должна быть чувствительной к культурным ценностям исследуемых индивидов и сообществ. Она задает учёным вопрос о том, каким образом можно дестабилизировать власть объективистского исследовательского процесса и интегрировать локальную перспективу в исследовательский процесс.

Эти три направления ставят под вопрос академические практики, используемые для изучения глобального Юга. Более революционный подход возник из деколониальной перспективы, которая следует марксистскому тезису о том, что социальные науки должны изменять мир, а не просто исследовать его.

> Деколониальный подход

Деколониальная теория/перспектива — также обозначаемая как исследовательская программа изучения колониализма/современности — это интеллектуальное движение, которое возникло в Латинской Америке. Оно сформировалась на основе нескольких теоретических подходов, включая теорию зависимости, теологию освобождения и концепции социальных движений, представляющих латиноамериканский опыт. Охват этой теории достаточно широк: в ней утверждается, что необходимо осуществить эпистемологическую и, следовательно, методологическую критику европейских теорий современности таким образом, чтобы сформировать новые и оригинальные эпистемологические позиции. Деколониальная перспектива выступает за пересмотр социальных наук через формулировки новых гипотез, которые смогут расширить исследование современности «до самых пределов мысли».

Первое положение деколониальной перспективы исходит из того, что главное противоречие нынешних теорий современности и социологической науки заключается в вымывании колониального опыта из теоретического языка описания. Следствием этой невидимости опыта является этноцентризм современных теорий, который обозначается в деколониальном подходе как европоцентризм. Для деколониалистов европоцентризм — это главный эпистемологический принцип, который объединяет все отрасли социальных наук и в особенности проявляет себя в таких дисциплинах, как история и социология. Три концепции представляют эту позицию: понятие колониального характера власти, разработанное Анибалом Кихано; понятие «внутреннего/внешнего пространства» Энрике Дусселя; и теория «колониального различия», предложенная Вальтером Миньоло. Все три концепции пересекаются между собой.

Колониальный характер власти, как считает Кихано, базируется на двух европоцентристских мифах: эволюци-

онизме и дуализме. С одной стороны, эволюционизм организует историю как линейный нарратив, как движение от примитивных обществ к современным. Концептуализация линейности, разработанная на ранних этапах европейского модерна, была экстраполирована на интерпретации неевропейских историй мира. Дуализм — это другой метод и миф, использованный сторонниками европоцентризма для дифференциации европейских и неевропейских обществ и их истории. Таким образом через дуализм европоцентризм конституирует знание о других как о своей противоположности, т.е. в терминах бинарной оппозиции. На основе бинарной оппозиции, выстраивается иерархия, которая позиционирует европейскую историю и общество как превосходящие (учитывая, что оно первое создало модерн), а остальные — как стоящие на более низкой позиции.

Концепция колониального характера власти утверждает, что европоцентризм является основанием теорий, которые оправдывают множественный контроль. Среди этих систем контроля Кихано выделяет следующие. А) экономический контроль осуществляется через экспроприацию земель, эксплуатацию труда и природных ресурсов. Б) Управленческий контроль осуществляется посредством силовых структур армии, полиции и политической власти. В) Контроль гендера и сексуальности осуществляется через семью и образование. Г) Контроль субъективности и производства знания осуществляется посредством разработки эпистемологии/систем знания.

Концепция колониального различия Вальтера Миньоло (классификация модерна, начиная с колониализма, и её использование для конструирования дальнейших классификаций и различий в системах знания) продолжает проблематику «колониальности власти» и рассматривает её как эпистемологический инструмент, который обуславливает привилегированное положение интеллектуального и политического пространства Европы и европейцев. Миньоло полагает, что эта концепция помогает понять объективизацию колониального мира и его народов, подчиненный характер их воображения и производимого ими знания.

Энрике Дуссель переосмысляет миф эволюционизма, описанный Кихано, для того, чтобы показать, что современная история сконструирована как интериорная (внутренняя) теория локальной европейской истории, экстраполированная на другие общества, основанная на мифе эволюционизма и позиционируемая как универсальная и линейная. Учёный предполагает, что необходима исследовательская программа современности как эктериорной теории, позволяющей развить такой ракурс понимания мира за пределами Европы, как деколониальная точка зрения. Необходимо пересмотреть существующие философские, социальные и исторические положения социальных наук и сформировать альтернативные, основанные на голосах неколонизированных стран. Цель такого предприятия амбициозна: она состоит в том, чтобы реорганизовать эпистему социальных наук, которая сложилась в конце восемнадцатого века, и разработать новые исследовательские программы для переформулировки тем, специализаций и вопросов с тем, чтобы преобразовать самые основания социальных наук. ■

Адрес для связи: Суджата Пател <patel.sujata09@gmail.com>

> Где и насколько мы значимы?

Оглядываясь на прошлое польской социологии¹

Марта Бухольц, Центр перспективных гуманитарных исследований имени Кэте Хамбургер «Право как культура», Боннский университет, Германия; Варшавский университет, Польша

Леон Петражицкий и Флориан Знанецкий
— великие польские социологи.

История социологии в Польше с самого начала была отмечена напряжением между логикой международного развития и локальной повесткой. Это напряжение трудно преодолеть, поскольку оно затрагивает самые основания её дисциплинарной идентичности и транслирует его в исследовательскую сферу, теорию, институциональные и биографические стратегии.

Напряжение между интернациональным и локальным уровнями развития польской социологии сохраняется в некоторой степени благодаря тому факту, что акаде-

мическая социология была отчасти продуктом зарубежного импорта. Хотя на бывших польских территориях в конце восемнадцатого и в девятнадцатом веках было достаточно много аутентичной социальной мысли (сама страна не существовала как независимое государство большую часть указанного периода), социальная наука была частным делом (*private science*). Когда практически одновременно во многих странах начался процесс институционализации социологии, новая дисциплина стала быстро развиваться в нескольких направлениях, для которых была характерна циркуляция знания и взаимные переплетения национальных

социологических традиций. Ретроспективная национализация социальной науки затрудняет оценку вклада таких авторов как Лео Петражицкий или Людвиг Гумплович. Оригинальность их социальных концепций порождена тем, что в них отображены локальные когнитивные и политические интересы, с одной стороны, и их участие в транснациональном научном сообществе, с другой. Влияние учёных из Центральной и Восточной Европы на развитие социальной науки в целом было непропорционально большим именно потому, что порог их доступа к научным сетям имперской Европы до 1918 года был относительно низким.

Двойственный опыт личной заинтересованности одновременно в региональных и транснациональных научных связях был характерной чертой ранней академической польской социологии. Так, например, Флориан Знанецкий и Стефан Чарновский получили образование на Западе и работали в воссозданном польском национальном государстве. К тому времени западная социология стала всеобщей. Это была новая наука, предлагающая новое мышление, новые карьерные траектории, новые интеллектуальные тренды и выступающая новым ценным союзником государства в разработке политики. Очевидно, что дополнительным стимулом для стремления к такой новизне была возможность посредством неё поддерживать канал коммуникации с Западом. Весь девятнадцатый век в польской культуре может быть предстать как история поиска принадлежности, которая бы позволила выйти за пределы региональных границ. Получение социологического образования было одним из способов достижения этой цели.

В то время, как первое поколение польских социологов 1920-х и 1930-х гг. не подвергало сомнению универсальность западной социологии, для их преемников такая позиция не была бесспорной. В тяжёлые времена Второй мировой войны и сталинизма связь с международным сообществом была прервана, и проблема принадлежности и преэминентности в противопоставлении провинциальности и изоляции обозначила себя очень остро. Когда польская социология стала вновь открыта миру в 1950-е гг., необходимо было пересматривать основания принадлежности международному научному сообществу. К счастью, выяснилось, что польское общество при социализме стало чем-то захватывающим для Запада, а наведение мостов между этими двумя мирами стало миссией социологов — самых космополитичных и прозападных польских социальных учёных, которые обладали достаточной свободой по сравнению с другими странами Восточного социалистического блока. На протяжении более трёх десятилетий оптимальной стратегией принадлежности международному сообществу была эклектичность

теории (под сильным влиянием аутентичного польского марксизма далёкого от советских стандартов) и локальная ориентация исследований. Запад с готовностью простил бы неуклюжий английский, странные научные работы, лакуны в теоретизировании и часто достаточно сырую методологию, поскольку в то время он был весьма гостеприимным для удивительно цивилизованных незнакомцев с Дикого Востока. Если в истории польской социологии в двадцатом веке и был момент, когда она была ориентализирована в значении Эдварда Саида, то это было, возможно, именно тогда. С другой стороны, некоторым социологам, таким как, например, Станислав Оссовский, удалось развить навыки принадлежности одновременно двум мирам.

Тенденция, при которой через принадлежность сообществу польских социологов можно было автоматически заявить о своей универсальной значимости и причастности международному сообществу достигла кульминации в 1980-е гг. Причина состояла в том, что локальное польское движение «Солидарность» стало универсально значимым. Это явление вдохновляло теоретически и было вызывающим с эмпирической точки зрения. Но эффект новизны быстро израсходовался. К счастью, менее чем через десять лет, когда началась системная трансформация общества, у польской национальной социологии появился новый шанс заявить о своей международной важности. После 1989 года все были заинтересованы в изучении этого процесса, хотя Польша была только попутницей других постсоциалистических стран и не представляла сама по себе отдельный тип общества.

Образно говоря, польская социология должна быть благодарна недавнему возвращению к демократии в стране. 2015 год возродил угаснувший интерес к социальной трансформации в Польше. За границей нас спрашивают, что пошло не так после 1989 года, и, отвечая на этот исключительно локальный вопрос, мы снова способны внести вклад в общую дискуссию о кризисе демократии и верховенства права, культурных войнах и популистских контрреволюциях. Наша региональ-

ная ситуация снова всем интересна. Однако давайте предположим, что с антидемократической реакцией можно справиться и восстановить политическую стабильность, что польское общество снова войдёт в фазу, которой достигло в 2007 году — спокойную стабилизацию. Что за этим последует? Польская социология до настоящего времени была преимущественно наукой самопровозглашенного ненормального общества, порожденная изнутри исследованиями реальных и воображаемых отклонений. Мы взрастили польскую исключительность, но единственное, чего мы действительно должны по-настоящему желать для нашего общества — это чтобы оно, наконец, перестало быть исключением. Как бы то ни было, это означает, что мы будем вынуждены искать другие пути решения задачи столетней давности об универсальной значимости.

Этот вызов не представляется тривиальным. Давние амбиции причастности к международному сообществу, коренящиеся в этических дилеммах интеллигенции девятнадцатого века, получили неожиданную поддержку от неолиберального управления науки и высшего образования, которую нынешнее национально-консервативное правительство plenamente переняло от своих либеральных предшественников. В моей книге *Sociology in Poland: To Be Continued?* [Социология в Польше: продолжение следует?] (2016) я утверждаю, что совладание с напряжением между вовлеченностью в международное и локальное научные сообщества было для польской социологии единственным способом выжить и быть значимой. Соппротивление соблазну получения иногда мифических преимуществ универсальной причастности является столь же важным средством достижения этой цели, как и отчётливое понимание того, что наше собственное общество интересно для нас совсем не потому, что оно представляется уникальным другим. ■

¹ Статья написана при поддержке Польского национального научного центра.

> Молодые прекарные работники

в Польше и Германии

Ян Чажасты и Юлиуш Гардавский, Варшавская школа экономики, Польша, **Адам Мрозовицкий**, Университет Вроцлава, Польша, член ИК МСА по трудовым движениям (RC44), **Вера Траппманн**, Бизнес-школа Лидского университета, Великобритания

Существует много свидетельств того, что молодое поколение Европы переживает растущую неопределенность в своей жизни, обусловленную ростом временной и вынужденной неполной занятости, уменьшением роли профсоюзов и трудными переходами от школы к работе. Исследовательский проект PREWORK фокусируется на двух европейских странах, Германии и Польше¹. Германия является обществом координированной рыночной экономики (далее КРЭ), как её называют Холл и Соскице (Hall & Soskice), традиционно известной институциональными гарантиями безопасности для работников. При этом реформы рынка труда

2000-х гг. способствовали также распространению агентств занятости, увеличению объема временной работы, дуальности рынка труда, устойчивости заработной платы и коллективным переговорам с участием профсоюзов. В Польше, которая ближе к либеральной рыночной экономике (далее ЛРЭ), недавние волны прекаризации занятости обусловлены правовыми изменениями, направленными на флексибилизацию рынка труда.

В обеих странах положение молодежи на рынке труда неблагоприятно, что подразумевает высокий уровень временной занятости (в Польше), возрастающие риски бедности и работы в

условиях бедности (в Германии), рост рисков экономического исключения. Мы полагаем, что последствия прекаризации молодежи можно рассматривать в терминах неопределенности занятости; утраты прожиточного минимума, нехватки социальной интегрированности и неполноты социальных прав; а также субъективного чувства прекарности, выражаемого в потере социального признания и социальной включенности. Тем не менее, несмотря на эти негативные тенденции, коллективная мобилизация молодежи против прекарности ограничена и её общая удовлетворенность жизнью остается довольно высокой. Отсюда возникает вопрос: каково соотношение между

прекарными условиями труда, общественным сознанием и жизненными стратегиями молодых людей? Воспринимается ли прекарность как проблема молодыми работниками в Польше и Германии? Или они видят её как норму, соответствующую ожидаемым условиям трудовой среды, к которым индивид должен адаптироваться?

PREWORK ищет ответы на эти вопросы на двух уровнях. Во-первых, мы изучаем влияние нестабильной занятости и условий жизни на разные измерения социально-экономического сознания прекарных работников. Для этого мы проводим массовые опросы, используя систему компьютеризованного телефонного интервью (CATI) в Польше и Германии на больших случайных выборках людей (N=1000 в каждой стране) в возрасте от 18 до 30 лет. Во-вторых, мы анализируем взаимоотношения между растущей прекарной занятостью и жизненными стратегиями/карьерными траекториями молодёжи и формами коллективной мобилизации (и демобилизации). Выполняя эту задачу, мы провели 120 биографических интервью с молодыми прекарными работниками в Польше (60) и в Германии (60), в возрасте от 18 до 35 лет, которые вовлечены в нестандартные формы занятости, являются безработными или вовлечены в прекарные формы профессионального обучения.

Проект все ещё продолжается, но можно сделать некоторые предварительные выводы. Количественное исследование выявляет субъективное восприятие прекарности: 48,8% молодых работающих поляков и 31% молодых немецких работников ответили, что у них есть опыт работы в условиях нестабильной занятости при низкой оплате труда или на краткосрочных контрактах. И все же экономическое сознание молодёжи в обеих странах различается.

Вопреки нашим ожиданиям, прекарный статус молодых поляков и немцев не оказывает существенного влияния на их нормативное видение экономики. Мы предположили, что наличие непостоянного контракта будет способствовать ориентации на поддержку мер государственного вмешательства в экономику и эгалитаризм. Индикатор, применяемый в исследовании, включал пятнадцать переменных. В Польше только пять переменных показывают статистические различия между ответами респондентов, работающих на постоянных и временных контрактах. Более того, работники с

опытом непостоянных контрактов по некоторым параметрам демонстрируют более либеральные взгляды в отношении экономики, чем те, кто работает на основе постоянных контрактов. В Германии эти различия более отчётливы. Занятые на непостоянных контрактах меньше поддерживают этатистские принципы (33,8% против 24,8%), при этом склоняясь несколько чаще к социальному эгалитаризму (69,1% против 65% соответственно). Экономические взгляды молодых поляков представляют собой сочетание «отечественного капитализма» (предпочтения польским компаниям и государственному регулированию экономики) с относительно устойчивыми ультралиберальными взглядами: 53,4% польских респондентов предпочитают добровольные вместо обязательных пенсий по старости по сравнению с 12,3% немцев. Экономическое сознание молодых немцев ближе к позициям координированной рыночной экономики и поддерживают совместное участие работников и компаний в определении условий труда, компенсацию разницы в доходах через налоговую систему и свободное движение рабочих в Европе (поддерживают 88,7% опрошенных немцев по сравнению с 66,6% в Польше). Взгляды молодых поляков ближе к позициям либеральной рыночной экономики (ЛРЭ), несмотря на её очевидную непоследовательность.

Качественное исследование предоставляет нам более глубокое понимание опыта работы, достигаемое при анализе биографического интервью. На основе анализа рассказов о жизни мы реконструировали шесть различных типов жизненных стратегий, связанных с работой, по-разному представляющие формы преодоления прекарности. Для «рабочих», т.е. «синих воротничков» с нестабильной занятостью, стремящихся к стабильным и предсказуемым условиям труда, гибкость занятости не воспринимается как норма. Они адаптируются и пытаются совладать с прекарностью посредством поиска стабильности в других, не относящихся к работе, сферах жизни, а также через ограничение своих амбиций. «Профессионалы», как правило, «белые воротнички», стремятся к стабильной полной занятости с высокими доходами и хорошими карьерными перспективами. Такие молодые люди либо легитимируют прекаритет как необходимый опыт, относящийся к переходу на рынок труда, либо, в более старших поколениях, критикуют структурную нестабильность за блокирование индивидуальных жизненных

проектов. Другой подход представлен «работниками творческих профессий», часто работающими на проектах в НГО, в креативных профессиях и культурном секторе, которые видят гибкость как необходимое условие свободы от рутины корпоративной или заводской работы. Для «бриколёров», экспериментирующих с различными предпринимательскими проектами, прекарность воспринимается как необходимая цена независимости от работодателя, семьи или государственной поддержки. Мы выделяем также тип «блокированной» стратегии: такие информанты критически относятся к прекарности, но не противодействуют ей активно в силу психологических проблем и/или отвергают биографические издержки, необходимые в случае выбора социально стабильной занятости. Ещё один тип — «стратегия замкнутости» — характеризуется дистанцированием информантов от мира регулярной занятости, который утратил для них биографическую значимость или же никогда таковой не имел.

Таким образом, количественные и качественные исследования показывают, что молодёжь в обеих странах чувствует прекарность, но обычно не критикует или не оспаривает её. Большинство молодых людей, видимо, становятся взрослыми в условиях привычки к прекарности. Они видят её как временную и связанную либо с определённым жизненным этапом, либо как инвестиции в будущее, которые, в конце концов, окупятся. Критика прекарности слаба и редко приводит к политической или профсоюзной мобилизации. Иными словами, мы являемся свидетелями происходящей «нормализации» прекарности, которая начинает рассматриваться молодёжью как квазиестественное состояние. ■

¹ Настоящая статья подготовлена в рамках проекта PREWORK «Молодые прекарные работники в Польше и Германии: сравнительное социологическое исследование условий труда и жизни, общественного сознания и гражданского участия», финансируемого Национальным научным центром Польши и Немецким научно-исследовательским обществом (DFG). В состав исследовательской группы в Германии входят Вера Траппманн, Джули-Мари Лоренцен, Александра Сихаус, Денис Нойман. Польская команда включает Юлиуша Гардавского, Адама Мрозовицкого, Яна Чажасть, Магдалену Андрейчук, Александра Драбина-Ружевица, Яцека Бурского, Матеуша Кароляка, Агату Красовскую.

Адреса для связи:
Адам Мрозовицкий <adam.mrozowski@uwr.edu.pl>
Ян Чажасть <iczarz@sgh.waw.pl>
Юлиуш Гардавский <jgarda@sgh.waw.pl>
Вера Траппманн <V.Trappmann@leeds.ac.uk>

> Почему граждане голосуют за правые партии?

Катажина Дембская, Сара Герчиньская, Юстына Кощиньская и Камиль Трепка,
Варшавский университет, Польша

Несмотря на массовую поддержку, политика правящей партии вызывает широкую волну протестов.

В «Глобальном диалоге» 2016 года Арли Хохшильд отметила, что социологи должны искать ответы на вопрос, сформулированный в названии настоящей статьи, не только в экономических процессах и возникающих социальных настроениях, но и в биографиях сторонников правых партий. Наша исследовательская группа (в работе которой участвуют не только авторы данного текста, но и проф. Мацей Гдуля в качестве ведущего исследователя, Станислав Ханковский, Мая Гловацкая, Софья Сикорская и Миколай Сыска) следует той же логике при исследовании причин растущей поддержки правящей партии Польши «Закон и справедливость» (далее ЗС), пришедшей к власти в 2015 году. ЗС считается социально-консервативной партией: консервативной в смысле продвижения соответствующих ценностей и этатизма в экономике. Несмотря на то, что это евроскептическое и националистическое правительство столкнулось с сильной критикой как со стороны Европейского союза, так и со стороны либерально настроенной части польского общества, его поддержка неуклонно растёт, и по опросам конца 2017 года она достигает 50%.

> Представляем наше исследование

Наше исследование проводилось в центральной части Польши в небольшом городе, который мы назвали «Мястко» («маленький город» на польском языке). Правящая партия получила почти 50% голосов в Мястко в 2015 году, по сравнению с 37,6% по всей стране. Наш отчет был опубликован под названием «Перемены к лучшему в г. Мястко: новый авторитаризм в польской политике в пер-

спективе малого города». Политики ЗС используют понятие «перемены к лучшему» с самого начала президентской кампании 2015 года.

В целях исследования политических убеждений сторонников ЗС мы провели по два интервью с каждым из 30 респондентов — жителями Мястко. Первое интервью было биографическим, а второе касалось их отношения к таким вопросам, как аборт или социальная политика. Наша методология опиралась на теорию классового различия Пьера Бурдьё и её польскую адаптацию, осуществлённую Мацеєм Гдулей и Пшемиславом Садурой. Мы разделили наших респондентов на две группы: рабочий класс и средний класс. Важно отметить, что мы не проводили интервью с так называемыми «проигравшими в трансформациях» — термин, обозначающий людей, для которых капиталистические изменения после 1989 года были сопряжены с негативными результатами.

> Две самых обсуждаемых темы: аборт и беженцы

Респонденты рабочего класса в целом выступали против полного запрета на аборт. Женщины старшего поколения рабочего класса выступали за либерализацию существующего закона о борьбе с абортами.

Женщины среднего класса обычно высказывались в пользу свободы репродуктивного выбора женщин и подчеркивали нагрузки воспитания большого ребенка. Несмотря на значительную открытость наших респондентов возможной либерализации антиабортного законодательства, многие высказывались также и против аборт в целом.

Большинство интервьюируемых были против принятия беженцев в Польше. Представители рабочего класса утверждали, что беженцы не захотят работать и будут рассчитывать на социальные пособия. Они подчеркнули опасность, которую беженцы представляют для польской системы социального обеспечения, и несправедливость, сопряжённую с пособиями, которые они могут получить. Респонденты из рабочего класса связывали положение беженцев с войной и обычно признавали, что они должны получать поддержку, однако выступали против оказания помощи беженцам на польской территории. Только два информанта отметили, что приём беженцев в польском обществе никому не навредит, поскольку их число невелико (согласно намерениям прежнего правительства).

Информанты среднего класса чаще говорили о том, что беженцы представляют собой другую культуру и не

>>

желают принимать правила польской и европейской культуры. Солидарность с теми, кто бежит от войны, а также тезис о сходстве опыта войны, пережитого беженцами и политической нестабильностью польского общества, проявлялись в интервью крайне редко. По словам представителей среднего класса, беженцы должны оставаться «в своей среде, где у них есть своё пространство». Для некоторых идея Европы определяется исключением; защита её «чистоты» требует, чтобы беженцы, которые идентифицируют себя только со своей религиозностью и этнической принадлежностью, оставались за пределами Европы. Установка на порядок и чёткие границы появляется в решении проблемы, предложенном одной из опрошенных нами женщин среднего класса: если беженцы все же должны остаться в Польше, то их следует отделить от польского общества.

> Уничтожение институтов демократического правопорядка

В декабре 2015 года правительство начало препятствовать работе Конституционного суда, уполномоченного решать, соответствует ли тот или иной закон польской Конституции. Предыдущее правительство избрало пять судей в Конституционный суд в сентябре 2015 года, всего за месяц до выборов в законодательные органы. Тогдашнее парламентское большинство, альянс консервативно-либеральной Гражданской платформы и Крестьянской партии, имело право избрать трёх судей, но были выбраны пять. Несмотря на то, что Конституционный суд поддержал избрание трёх (законно избранных) судей и признал недействительным избрание двух других (незаконно избранных) судей, новый парламент с преобладанием сторонников партии «Право и справедливость» назначил пять новых судей и прекратил публикацию решений Суда. Приведение к присяге вновь избранных судей президентом Анджеем Дудой привело не только к конституционному кризису, но и вызвало уличные демонстрации в Варшаве и других крупных польских городах. Ответ на вопрос о том, были ли меры правительства в отношении Конституционного суда легитимными, определялся не классовой, а партийной принадлежностью. Сторонники ЗС поддерживали действия правительства, заявляя, что оно восстановило партийный «плюрализм» в Суде,

где предположительно доминировали представители партии Гражданская платформа. Для оппонентов правительства эти меры были посягательством на демократию и успешной попыткой прекратить какой-либо конституционный контроль над правительством.

> Социальная политика ЗС: программа «Семья 500+»

Программа «Семья 500+» была представлена в апреле 2016 года как флагман социальной политики правительства партии «Право и справедливость». Это, безусловно, одна из самых важных принятых политических мер. Программа вводит универсальное родительское пособие, когда каждая семья получает 500 злотых (около 120 евро) на второго и третьего ребенка (бедные семьи могут получать деньги и на первого ребёнка). Реализация программы демонстрирует значительные изменения в посткоммунистической Польше. Впервые с 1989 года польское государство принимает широкомасштабные перераспределительные меры, которые выгодны как среднему, так и рабочему классу.

Большинство участников исследования поддержали реализацию программы детских пособий, единственным исключением были некоторые сторонники либеральной оппозиции из среднего класса, которые рассматривали её как форму «покупки голосов». В пользу программы высказалось большинство респондентов из среднего класса, которые рассматривали её как символ новой мощи страны. Выплата пособий на ребенка рассматривается не как расточительность, а скорее как «нормальная» мера, характерная для развитых стран Запада, и знак того, что Польша присоединяется к ним. Представители рабочего класса также выступали за выплату пособий на детей, хотя значительная часть респондентов также поддержала предложение о том, что местные власти должны контролировать расходы на пособия некоторым получателям.

> Причины поддержки партии «Закон и справедливость» являются многоуровневыми

Партия «Закон и справедливость» реализует перераспределительную программу и, тем самым, представля-

ет новую модель управления. Наше исследование показало, что сторонники ЗС намного более дифференцированы, чем полагает общественное мнение. В настоящей статье мы пытаемся выяснить, каковы эти социальные различия и какими факторами мы можем объяснить рост поддержки правых партий. Очевидно, что не только финансовая поддержка бедных стимулировала успех ЗС. Напротив, партия пользуется поддержкой, потому что её действия ориентированы на потребности и ценности всех классов. Политики ЗС отвечают на потребности рабочего класса в уважении и признании, критикуя безудержное потребление бывших «элит» за государственный счет. Они также соответствуют установкам среднего класса в своём стремлении к суверенитету и порядку. Наше исследование выявило очень интересную закономерность: политические мнения и заявления не всегда совпадают с личным опытом респондентов.

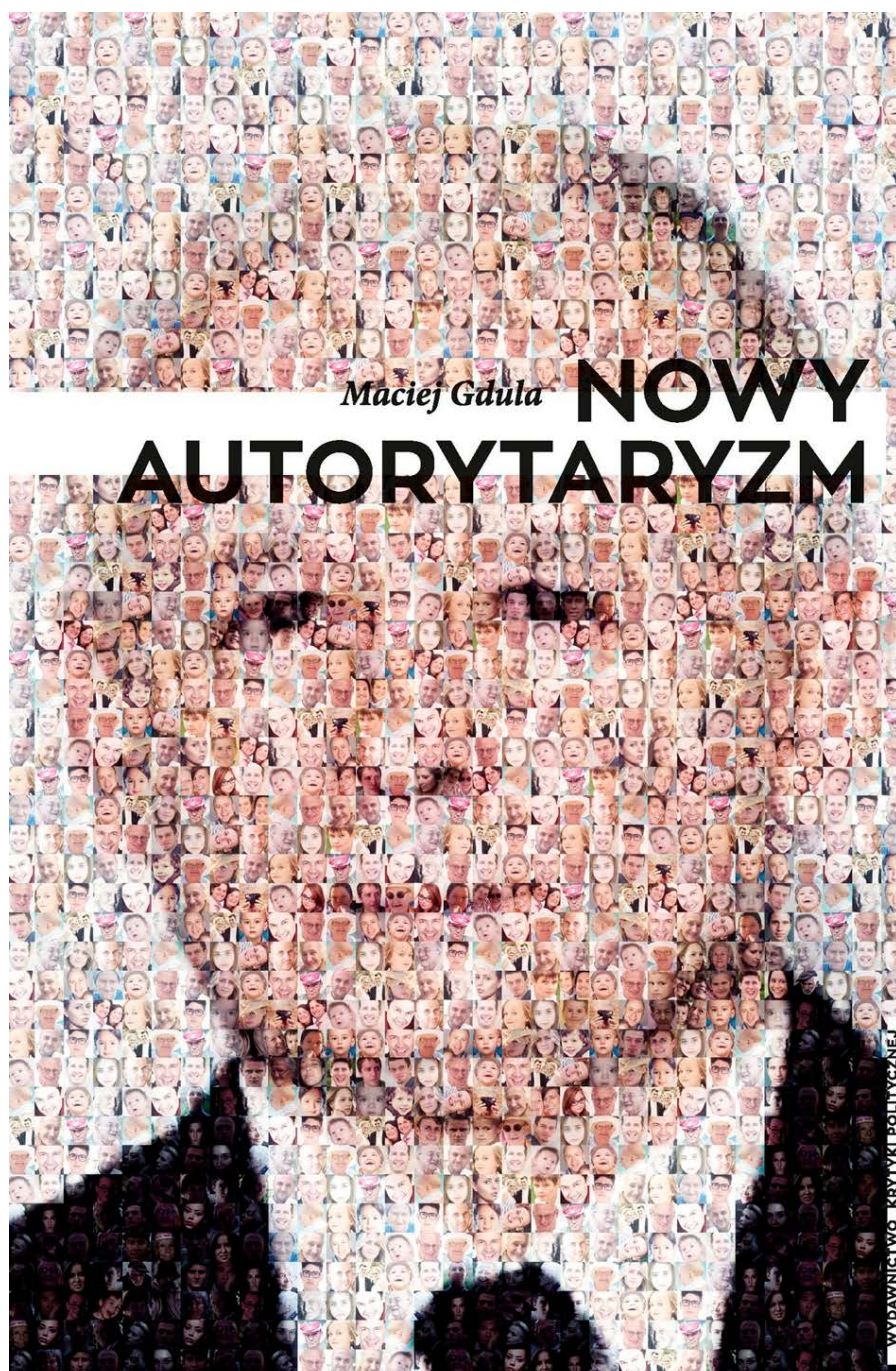
В то же время ЗС начала разрушать демократические институты (такие как Конституционный суд), и всё это делается во имя демократии и «перемен к лучшему». Исследование показало, что сторонники ЗС считают себя сторонниками «демократии», но отвергают её либеральную форму, основанную преимущественно на самоограничении. Мацей Гдуля обозначает этот новый феномен термином «новый авторитаризм». По словам Гдули, сейчас мы наблюдаем новое явление — «новый авторитаризм», характеризующийся радикальной трансформацией общественной сферы (в которой доминирует Интернет, а не газеты, как прежде) и конкретной взаимосвязью между избирателем и лидером правящей партии.

Результаты нашего исследования представляют все основные объяснения успеха правых партий. Выводы исследования имели большой общественный резонанс и стимулировали обширные публичные обсуждения, в которых принимали участие как левые, так и правые интеллектуалы, обсуждавшие разногласия в польском обществе. ■

Адреса для связи:
Катажина Дембская <k.debska@is.uw.edu.pl>
Сара Герчиньская <sara.herczynska@gmail.com>
Юстина Кошиньская <j.koscinska@is.uw.edu.pl>
Камиль Трепка <k.trepka@is.uw.edu.pl>

> Перспективы социологии в новой публичной сфере

Мацей Гдуля, Варшавский университет, Польша

Работа профессора Гдули «Новый авторитаризм» — прекрасный пример публичной социологии.

В ноябре 2017 исполняется два года с тех пор как прошли выборы, которые позволили партии «Закон и справедливость» (PiS, 3C) сформировать своё собственное правительство. Хотя в течение этих двух лет нарушались многие правила либеральной демократии, более 40% избирателей продолжали поддерживать правительство. Именно в этот момент был опубликован написанный мною доклад «Перемены к лучшему в Мяско: нео-авторитаризм в польской политике в перспективе малого города».

Доклад, основанный на исследовании, проведённом в Мяско, небольшом городе, расположенном в центральной части Польши, спровоцировал горячую дискуссию, которая длилась несколько недель и в которой приняли участие журналисты, политики и учёные. Некоторые из обсуждаемых вопросов и их интерпретации стали постоянными ориентирами в текущих дебатах о политике и обществе. Однако вместо того, чтобы обсуждать успех доклада, я хотел бы сосредоточиться на социальных условиях, которые сделали его возможным. Это необходимо для переосмысления стратегии присутствия социологии в публичной сфере, а также для усиления её роли не только в описании и анализе проис-

>>

ходящего, но и в воздействии на социальные процессы. Несмотря на то, что в статье рассматривается, прежде всего, польский контекст, анализируемые вопросы не уникальны для Польши.

> Новая публичная сфера

Для понимания того, как социология может повысить своё влияние на общественную дискуссию необходимо рассмотреть недавние изменения в публичной сфере. Если кратко, эта трансформация заключается в переходе от господства прессы к гегемонии интернета. Прежняя публичная сфера, по крайней мере, в отношении политики, была организована вокруг прессы и «культурных посредников» — журналистов, экспертов и политиков, — выполнявших ключевую роль в общественных дебатах. Распространение интернета нанесло урон печатной прессе как в терминах экономической, так и символической власти. Например, крупнейшая газета Газета Выборча (*Gazeta Wyborcza*) потеряла 75% своих читателей в период с 2005 по 2017 гг.

В общественной сфере, где доминирует интернет, наблюдается рассеяние производства контента. Оно осуществляется крупными онлайн-трансляциями, небольшими специализированными сайтами так же, как и отдельными производителями такими, как ютуберы, которые собирают большие аудитории. Конкуренция за социальное внимание между этими производителями становится всё более жёсткой и в ней выигрывают те, у кого быстрее реакция, кто активно вовлекается в конфликты, не пугается скандалов и занимается морализаторством.

> Слабость посредников и социология

Снижение барьеров для входа в публичную сферу приводит к распространению фейковой информации и росту дискурсов, которые намеренно порывают с какой-либо ответственностью и претензией на истину, создавая концепцию «постправды». Жёсткая конкуренция за социальное внимание вытесняет журналисти-

ку, основанную на более длительном процессе сбора материалов и создании сложных текстов. Способ, которым многие медиа пытаются обеспечить себе безопасное существование, заключается в формировании аудитории с определённой идентичностью, которая испытывает чувство морального превосходства перед рядовым человеком и участвует не столько в дискуссии по общественным вопросам, сколько в цивилизационной борьбе.

К таким условиям адаптируется и политика, и общественные дебаты; политики становятся «медийными боевиками» (*media militants*), представляющими радикальные взгляды и делающие заявления, которые вызывают реакцию публики.

Аудитория принимает участие в стремительной, агрессивной и морализаторской коммуникации, в которой, однако, всё ещё остаётся пространство для знания, которое соотносится со значимыми социальными проблемами и в то же время сопоставляет их с результатами исследования. Жёсткая конкуренция между производителями информации означает, что общественная дискуссия имеет тенденцию выходить за пределы и ограничиваться масштабом комментариев быстрого реагирования. У традиционной журналистики в таких условиях не хватает времени и денег для адаптации. В этой ситуации социологическое знание, которое даёт новую интерпретацию действительности, вызывает большой интерес и отклик, влияя на направление общественных дебатов.

> Создавая общественно значимую социологию

Каковы же правила создания такого знания? Я рискну сформулировать несколько тезисов на основе отчёта по Мястко и общественной реакции на него.

Прежде всего, важен момент публикации текста. В Польше отчёт об источниках финансирования партии ЗС появился в то время, когда прежняя аргументация становилась всё менее и менее убедительной. Например, общепринятой точкой

зрения было мнение о том, что, несмотря на то, что ЗС обещала разоблачить элиту, вместо этого она создала новые элиты, склонные к коррупции. Отказ партии от заявленных целей должен был бы привести к сокращению её поддержки. Между тем, ничего подобного не произошло, и ЗС продолжала пользоваться поддержкой 40% населения. В докладе это явление объяснено с помощью понятия нео-авторитаризма, которое, наряду с другими вопросами, освещает роль лидера в контроле над собственной элитой и политическими изменениями.

Для того, чтобы исследование имело общественный резонанс, необходима синхронизация с текущими социальными процессами. Конечно, это не зависит только от социологов, но мы не можем игнорировать проблему скорости производства знаний. Производство знания должно происходить быстрее, чем традиционный академический процесс и рассматривать вопросы актуальные в настоящее время для широкой аудитории. Для того, чтобы представить более глубокий анализ поддержки ЗС, было бы идеально провести дополняющие исследования в других населённых пунктах, увеличить количество интервью и детально их проанализировать. Трудность заключается в том, что эти усилия дадут результат, например, только после следующих выборов, когда эта информация станет историей.

Вторая важная проблема связана с отношением к знаниям, основанном на здравом смысле. Академические дискурсы становятся всё более сложными. Исследовательские вопросы и результаты исследования строятся и представляются таким образом, что они становятся непонятными даже для образованного читателя. При создании знаний, ориентированных на социальный резонанс, мы должны обращаться к широко распространённым суждениям, даже если — а возможно в особенности — когда мы с ними не согласны. Представляется важным не отвергать такие расхожие суждения как свидетельства незрелости, невежества, интеллектуальной ограниченности и т.д., а подвергать их научной проверке.

В случае нашего исследования в Мяско мы отталкивались от нескольких популярных суждений относительно сторонников партии ЗС. Одно из них состояло в том, что поддержку ЗС обеспечивают люди, подвергшиеся социальному исключению, или, по крайней мере, те, кто испытывает чувство глубокой уязвимости. Это высказывание не нашло подтверждения в биографических интервью, поскольку большинство респондентов говорили о своей жизни в терминах достижения поставленных целей или даже успеха. Другое суждение, которое мы рассмотрели, было предположение о том, что поддержка партии основана на благодарности за выплаты по программе Семья 500+ (ежемесячные выплаты около 120 евро на каждого ребёнка после первого). Респонденты, голосовавшие за ЗС, не определяли эту социальную программу с точки зрения удовлетворения своих личных потребностей, но трактовали её как доказательство солидарности государства и знак того, что Польша наконец-то присоединяется к развитым странам в реализации комплексной политики, поддерживающей семью.

В-третьих, социологическое знание должно представлять комплексный взгляд на проблемы, которого так не хватает общественным дискуссиям. Людям действительно нравятся упрощения, но далеко не всегда! Если существует научно обоснованное знание, которое коррелирует с их опытом и точкой зрения, и при этом углубляет их или учитывает, то такое знание будет представлять для них интерес. Те, кто читали Отчёт по Мяско, были заинтересованы, например, в кри-

тике элит с различных позиций, которая была сформулирована представителями сторонников партии ЗС, принадлежащими к низшему и среднему классу. Критика представителей низшего класса была основана на аргументах об отчуждении элиты и её дистанцировании в отношении к обычным людям. С точки зрения представителей среднего класса, современная элита утратила свои полномочия на власть, так как скомпрометировала себя коррупцией. Это был первый случай после очень длительного перерыва, когда тема классового разноразия появилась в общественной дискуссии в нынешней Польше.

Вопреки стереотипам, люди заинтересованы в сложном и требовательном содержании контента. Тем не менее, научное сообщение, адресованное широкой публике, не должно быть просто демонстрацией научной сложности. Упрощение контента, состоящее в популяризации знания с целью генерирования конфликта и конкуренции за социальное внимание, также не может быть выбором социологов. Вместо этого, сложность должна быть введена в общественную дискуссию таким образом, чтобы вызвать оживление и озвучивание разногласий в публичном дискурсе.

> Роль социологии

Какую прибыль мы можем извлечь из социологии, которая производит социально-резонансное знание? Понимая, что нет ответа, который бы удовлетворил всех социологов, я перечислю возможные варианты, которые особенно важны с моей точки зрения.

Социология такого рода имеет шанс уравновесить существующие формы коммуникации, имеющие тенденцию завершаться ритуальными конфликтами, в которых господствует жесткость и упрощение содержания. Мы не можем винить журналистов и политиков в существующем положении дел. Они работают в специфических и непростых условиях. Тем не менее, нет причины, по которой социологи могли бы пренебречь этими правилами и уравновесить негативные тенденции, преследующие наши коммуникации с общественностью.

Важной задачей социологии является предоставление возможности высказаться людям, которые не имеют доступа к публичной сфере. Для меня особенно важным представляется создание пространства для артикуляции позиции и опыта разных классов.

Третий вопрос заключается в том, как социология позиционирует себя по отношению к другим акторам публичной сферы. С моей точки зрения, необходимо воспринимать социологию как противоположность журналистике и политике. Социология отлична от этих сфер деятельности, благодаря своей чувствительности к опыту исключённых, благодаря производимому ею знанию, а также благодаря независимости от конкуренции за социальное внимание и дистанцированности от политических конфликтов. Такой вид социологии может сбалансировать участие других акторов в общественной дискуссии, устанавливая ограничения их власти на определение социальной реальности. ■

Адрес для связи:
Мацей Гдуля <gdujam@is.uw.edu.pl>